

Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

T.6. №1

ISSN 2713-024X

CASPIUM SECURITATIS:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal
caspiumsecuritatis.ru

Vol 6 No 1
2026

CASPIUM SECURITATIS:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал
caspiumsecuritatis.ru

Том 6 Номер 1
2026

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief	<i>Anna P. Romanova</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Research Center on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Deputy Chief Editor	<i>Elena V. Khlyshcheva</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editors	<i>Lydia G. Zolotykh</i> , Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. Sichuan, China <i>Olga Y. Kosmacheva</i> , Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editor of the English version	<i>Elena A. Yakovleva</i> , chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Journal manager	<i>Dmitriy A. Chernichkin</i> , researcher, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Editorial Board	<i>Alexander N. Barmin</i> , Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia <i>Baazr A. Bicheev</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk State University named of B.B. Gorodovikov. Elista, Russia <i>Madina B. Gimbatova</i> , Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala, Russia <i>Sergey S. Zhiltsov</i> , Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, Russia <i>Musa M. Ibragimov</i> , Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. Grozny, Russia <i>Pavel L. Karabuschenko</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Ayzhamal I. Kudaibergenova</i> , Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Almaty, Kazakhstan <i>Natalia L. Kurepina</i> , Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. Elista, Russia <i>Oksana K. Mineva</i> , Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Nail M. Mukharyamov</i> , Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia <i>Rafik Kh. Usmanov</i> , Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Maria M. Fedorova</i> , Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. Moscow, Russia <i>Anna V. Fedotova</i> , Dr. Habilitatus in Biology, professor, Federal Scientific Center for Agroecology, Complex Reclamation and Protective Forestry of the Russian Academy of Sciences. Astrakhan, Russia <i>Reza Kheyroddin</i> , (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). Tehran, Iran <i>Arbakhan K. Magomedov</i> , Dr. of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). Moscow, Russia <i>Laura T. Ryskeldieva</i> , Dr. of Philosophy. Sc., professor, corresponding member RAS, Crimean Federal University name of V.I. Vernadsky. Simferopol, Russia <i>Elna V. Polyanskaya</i> , Ph.D. in Economics, Associate Professor, Minister of Economic Development of the Astrakhan Region. Astrakhan, Russia.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	<i>Анна Петровна Романова</i> , д. филос. н., профессор, директор Научно-исследовательского центра исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Заместитель главного редактора	<i>Елена Владиславовна Хлыщева</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературные редакторы	<i>Лидия Глебовна Золотых</i> , доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, Китай <i>Ольга Юрьевна Космачева</i> , кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературный редактор английской версии	<i>Елена Андреевна Яковлева</i> , главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Менеджер журнала	<i>Дмитрий Алексеевич Черничкин</i> , научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Коллегия редакторов	<i>Александр Николаевич Бармин</i> , д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Баазр Александрович Бичеев</i> , д. филос. н., профессор, КалмГУ им. Б.Б. Городовикова. Элиста, Россия <i>Мадина Багаутдиновна Гимбатова</i> , д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, Россия <i>Сергей Сергеевич Жильцов</i> , д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия <i>Муса Муслиевич Ибрагимов</i> , д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, Россия <i>Павел Леонидович Карабущенко</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова</i> , д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова. Алматы, Казахстан <i>Наталья Леонидовна Курепина</i> , д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия <i>Оксана Карловна Минева</i> , д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Наиль Мидхатович Мухарямов</i> , д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, Россия <i>Рафик Хамматович Усманов</i> , д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мария Михайловна Федорова</i> , д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, Россия <i>Анна Владиславовна Федотова</i> , д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Федеральный научный центр агроэкологии, комплексных мелиораций и защитного лесоразведения РАН". Астрахань, Россия <i>Реза Хейрроддин</i> , Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, Иран <i>Арбахан Курбанович Магомедов</i> , д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, Россия <i>Лора Турарбековна Рыскельдиева</i> , д. филос. н., профессор член-корр. РАН, ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского». Симферополь, Россия <i>Элина Викторовна Полянская</i> , кандидат экономических наук, доцент, министр экономического развития Астраханской области. Астрахань, Россия

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

**Best regards,
Editors**

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущих специалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные научные специальности, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные региональные исследования

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются БЕСПЛАТНО, авторский гонорар не выплачивается.

**С уважением,
редакция журнала**

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020
Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

CONTENT

GEOPOLITICAL SEFETY

Alexander D. Bashkin

THE GEOSTRATEGIC TRIANGLE OF RUSSIA-INDIA-CHINA AS A DRIVER OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER: NEW CONTOURS OF SECURITY AND ECONOMY 11-26

Madina Sh. Dzhantaleeva

THE EURASIAN GEOPOLITICAL SPACE: SHAPING A NEW WORLD VIEW 27-37

CULTURAL SAFETY

Pavel L. Karabushenko

PROBLEMS OF CULTURAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPING DIGITAL REVOLUTION (SOCIOLOGY OF DIGITAL ELITES)..... 38-47

Anna V. Komarova

THE RELATIONSHIP BETWEEN TRADITION AND INNOVATION IN THE DYNAMICS OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS: TOWARDS THE PROBLEM OF CULTURAL SECURITY 48-62

Oleg I. Zakutnov & Valentina L. Tikhonova

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CULTURAL SECURITY: TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL BOUNDARIES IN CREATIVITY 63-74

IDENTITY IN THE CASPIAN SPACE

Anna P. Romanova

AMBIVALENCE OF IRANIAN CULTURAL IDENTITY AND ITS INTERPRETATION IN ACADEMIC DISCOURSE 75-90

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Башкин Александр Давыдович
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ-ИНДИЯ-КИТАЙ
КАК ДРАЙВЕР МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: НОВЫЕ
КОНТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ 11-26

Джанталеева Мадина Шапигуловна
ЕВРАЗИЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....27-37

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Карабущенко Павел Леонидович
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ (СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВЫХ ЭЛИТ).....38-47

Комарова Анна Владимировна
СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В ДИНАМИКЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: К ПРОБЛЕМЕ
КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....48-62

Закутнов Олег Игоревич, Тихонова Валентина Львовна
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ
В ТВОРЧЕСТВЕ 63-74

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРИКАСПИЯ

Романова Анна Петровна
АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИРАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ 75-90

THE GEOSTRATEGIC TRIANGLE OF RUSSIA-INDIA-CHINA AS A DRIVER OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER: NEW CONTOURS OF SECURITY AND ECONOMY

Alexander D. Bashkin

Federal Agency for Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo)
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7597-8507>

E-mail: bashkin1@mail.ru

ABSTRACT

The Russia-India-China (RIC) geopolitical triangle is examined as a structural element of the emerging multipolar world order, positioned in opposition to the obsolete unipolar model. In the contemporary political configuration, RIC does not represent a formal alliance confronting any specific entity, but rather a flexible and pragmatic formation founded on the principles of sovereignty and the equitable consideration of interests. Two key aspects are highlighted as practical manifestations of this new model: the formation of an inclusive international security architecture based on the principle of "indivisible security," as opposed to NATO's advocated "security for the select few," and the creation of a new framework for international economic relations.

In the economic sphere, the focus is placed on processes of de-dollarization, the development of settlements in national currencies, the establishment of alternative financial institutions (BRICS Pay, New Development Bank), and the development of transport corridors ("North-South", "Economic Belt of the Silk Road"). Western sanctions pressure on Russia has acted as a catalyst for the accelerated construction of a parallel economic ecosystem, resilient to external influence. Analysis of global processes suggests that the RIC triangle has transformed from an instrument of regional interaction into a global driver of the transition towards a cooperative system of international relations based on multilateralism, offering an attractive alternative for the nations of the Global South and East.

KEYWORDS

---

global South; de-dollarization; collective security; international integration; world order; multipolarity; sanctions; sovereignty; BRICS.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ-ИНДИЯ-КИТАЙ КАК ДРАЙВЕР МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: НОВЫЕ КОНТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ

Башкин Александр Давыдович

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7597-8507>

E-mail: bashkin1@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Геополитический треугольник Россия–Индия–Китай (РИК) рассматривается как структурный элемент формирующегося многополярного миропорядка, противостоящего отживающей однополярной модели. В современной политической конфигурации РИК представляет собой не противостоящий кому-либо формальный альянс, а гибкую прагматичную формацию, основанную на принципах суверенитета и равноправного учета интересов. В качестве практических проявлений новой модели выделяются два ключевых аспекта: формирование инклюзивной архитектуры международной безопасности, основанной на принципе «неделимости безопасности» в противовес исповедуемой НАТО «безопасности для избранных» и создание новой модели экономических отношений.

В экономической сфере акцент сделан на процессах дедолларизации, развитии расчетов в национальных валютах, создании альтернативных финансовых институтов (BRICS Pay, Новый банк развития) и транспортных коридоров («Север–Юг», «Экономический пояс Шелкового пути»). Санкционное давление Запада на Россию стало катализатором ускоренного строительства параллельной экономической экосистемы, устойчивой к внешнему воздействию. Анализ глобальных процессов позволяет считать, что треугольник РИК трансформировался из инструмента регионального взаимодействия в глобальный драйвер перехода к кооперационной системе международных отношений, основанной на многосторонности и предлагающей привлекательную альтернативу для стран Глобального Юга и Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальный Юг; дедолларизация; коллективная безопасность; международная интеграция; мироустройство; многополярность; санкции; суверенитет; БРИКС.

ВВЕДЕНИЕ

Глубокая структурная трансформация современной международной системы очевидна для всех: и тех, кто ожидал ее десятки лет, и тех, кого она отчаянно пугает. Отживающий однополярный миропорядок, основанный на доминирующей роли США и его союзников, все эффективнее оспаривается укрепляющейся полицентричной моделью. Теоретические основы этого перехода уходят корнями в классическую геополитику и критическую теорию международных отношений. Так, американский политолог Кеннет Уолтц, один из основателей неореализма, еще в конце XX века предсказывал, что биполярная система неизбежно сменится многополярной по мере роста могущества новых центров силы (Waltz, 1987). Этот процесс, который он называл «естественным уравниванием» (balancing), мы и наблюдаем сегодня. Однако современная полицентричность отличается от классических моделей многополярности XIX-XX веков. Как справедливо отмечают российские исследователи В.А. Бордачев и В.В. Кольга, «современная многополярность – это не воссоздание концерта великих держав, а формирование системы, в которой множество центров силы обладают возможностью заблокировать нежелательные для себя решения, но вынуждены договариваться для реализации собственных интересов» (Бордачев, Кольга, 2024, с. 15). Эта принципиально новая конфигурация требует и новых форматов взаимодействия, свободных от иерархической логики устаревших блоков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вполне вероятно, что определенный период развития цивилизации моноцентричный путь был оправдан и даже необходим, особенно в период после завершения Второй мировой войны, когда множество стран в Северном полушарии были экономически и политически ослаблены, а большинство стран южного полушария вступили в многолетний период деколонизации, что также ограничивало их в возможности являться полноценными субъектами международных правоотношений. Кто-то должен был взять на себя консолидирующую и регулирующую роль в мировой экономике, в налаживании устойчивых экономических и финансовых связей, восстановлении глобальной торговли и рынков. С большой легкостью эту роль на себя взяли отсидевшиеся за океаном Соединенные Штаты Америки. Мнение о том, что аппетит приходит во время еды, справедливо и в геополитике. Войдя в роль мирового организатора, США стали охотно примерять на себя мундир мирового полицейского и мантию мирового судьи. Закат эпохи СССР, который во главе соцлагеря длительно и эффективно сдерживал амбиции созданного США «западного мира», обозначил окончательное формирование и закрепление однополярного мира. Однако, как отмечает американский историк Пол Кеннеди в своем фундаментальном труде «Взлет и падение великих держав», имперское перенапряжение (imperial overstretch) неизбежно ведет к упадку гегемона, вынужденного нести непосильное бремя

глобального лидерства (Kennedy, 1987). Именно это мы и наблюдаем сегодня, когда попытки Вашингтона сохранить однополярность вступают в противоречие с объективными тенденциями мирового развития.

Многое, считающееся когда-то передовым, изживает себя, со временем из паруса превращаясь в якорь. Цивилизация, как и живая природа, развивается по законам эволюции. За последние тридцать лет большинство государств, высокомерно называемых странами «третьего мира», пережили серьезные изменения. При этом трансформации подверглись не только экономика и политическое устройство, но и самосознание их граждан и элит. Общество и лидеры в этих странах все более пристальное внимание стали обращать на крупные государства, имеющие тысячелетнюю историю, традиции, значительные территории, влияние, но при этом не причисляющие себя к западному миру. Этот феномен «возвращения истории», предсказанный Робертом Капланом, проявляется в реанимации традиционных культурных и геополитических ареалов, не вписывающихся в прокрустово ложе либерального интернационализма (Kaplan, 2012).

В этом контексте ключевое значение приобрело возникшее взаимодействие в формате «треугольника» Россия-Индия-Китай, проявляющееся как объединение стратегических игроков, разделяющих общую цель формирования альтернативного формата современного мироустройства, исключающего практику деления государств на ведущих и ведомых, на самостоятельных и зависимых, на повелевающих и подчиняющихся. «К настоящему моменту концепция «стратегического треугольника» успела зарекомендовать себя в качестве перспективного инструмента для анализа взаимоотношений между ведущими державами» (Чжу Сюй, 2023, с.110). Согласимся с мнением индийского дипломата и ученого К.П.С. Менона, который утверждает, что «Азия возвращается к своей исторической норме - сложной системе сдержек и противовесов, где несколько крупных держав сосуществуют без гегемонии одной из них» (Menon, 2021, с.79). Закономерная реакция на попытки Запада изолировать Россию путем санкций и дипломатического давления ускорили поиск Москвой, Дели и Пекином новых моделей сотрудничества.

Исторически сложившиеся дружеские отношения между нашими странами получили новый импульс. В своем выступлении на пленарной сессии XXII ежегодного Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент России В.В. Путин поделился историей зарождения геополитического треугольника. По его словам, необходимость создания новых международных структур возникла из-за стремления решать вопросы иначе, чем это делают западные партнеры. Идея зародилась во время встречи Президента РФ с премьером Индии и председателем КНР в Санкт-Петербурге, что положило начало формату РИК – Россия, Индия, Китай. В своем выступлении В.В. Путин подчеркнул, что успех этой площадки объясняется отсутствием желания участников доминировать и навязывать свои интересы. Этот подход созвучен идеям индийского стратега К. Махбубани, который в своей работе «Has the West Lost It?» утверждает, что будущее глобального

управления лежит в инклюзивности и отказе от двойных стандартов, долгое время навязываемых Западом (Mahbubani, 2018).

Следует обратить особое внимание, что треугольник РИК, инициируя расширение таких институтов, как БРИКС и ШОС, трансформировался из концептуальной модели в практический механизм построения многополярного мира. Его уникальность заключается в том, что он представляет собой не формальный союз, а «стратегическую конфигурацию», основанную на совпадении интересов по ключевым вопросам мировой повестки, что позволяет ему сохранять гибкость и устойчивость перед лицом меняющихся внешних обстоятельств. Как отмечает российский востоковед Алексей Маслов, «Евразия становится не просто географическим понятием, а лабораторией по созданию новых моделей глобального управления, где формат РИК играет роль основного реактора» (Маслов, 2008, с. 23).

ДВА МИРОПОРЯДКА. РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Представляет интерес понимание того, каким образом на мировой сцене проявляется противостояние двух непримиримых концепций миропорядка, какими процессами может практически проявить и укоренить себя полицентрический мир и какова в этом движении роль триумvirата РИК?

Ответ на первую часть вопроса легко получить, наблюдая за процессами, происходящими в ряде международных институтов, олицетворяющих коллективный Запад, в частности: ЕС, НАТО и G7. При этом стоит признать, что именно эти противоречивые процессы оставляют все меньше оснований использовать термин «коллективный». Общим в деятельности этих различных по политическому, экономическому и военному функционалу ассоциаций, однозначно, стал нарратив враждебности и противостояния. Этот феномен «кризиса либерального интернационализма» подробно анализируется в работах профессора Джона Икенберри, который, оставаясь апологетом либерального порядка, вынужден констатировать его растущую фрагментацию и утрату легитимности в глазах незападных обществ (Ikenberry, Feng, Jisi, 2015).

При доминировании антироссийской направленности риторики и нормотворчества, обращает на себя внимание, в целом, вектор противостояния, причем нацеленный не только на внешних акторов, но и действующий внутри систем. Весьма демонстративны в этом контексте саммиты НАТО Вильнюс-2023, Вашингтон-2024, запомнившиеся не только жесткой риторикой о «китайской угрозе» и «системном вызове» со стороны России, подтверждающей восприятие альянсом этих стран как стратегических противников, но и утратой общего видения базовых вопросов существования самого альянса, таких как: объемы финансирования, использование собственных вооруженных сил за пределами территории НАТО, прием новых членов и многих других. Растущие разногласия внутри альянса по вопросу о стратегических приоритетах - сдерживании России или сдерживании Китая – создают стратегическую дилемму, которая, по мнению ряда авторов-исследователей, может привести к «стратегическому перенапряжению»

блока, вынужденного одновременно противостоять двум мощным геополитическим конкурентам (Коростелев, 2016; Иванов, 2025).

С каждым годом внутри коллективных западных институтов разногласия и сомнения только нарастают. Все чаще в Евросоюзе срывается принятие требующих консенсусного голосования решений по самому широкому спектру вопросов, от незаконных попыток похитить российские активы до реформы судебной системы. Со времен пандемии Covid-19 остались в памяти перехваты европейцами друг у друга самолетов с медицинскими масками и антивирусными вакцинами. Из недавних примеров показательным стал неожиданный демарш министра обороны Италии Гуидо Крозетто на саммите НАТО Гаага-2025, вообще поставившего под сомнение целесообразность этой организации. По его словам, у Североатлантического альянса больше нет причин для существования. «Раньше США и Европа были центром мира – теперь есть все остальное, с кем должны быть построены отношения», – заявил он. На этом фоне очевиден поразительный контраст содержания и тональности в работе формирований лагеря мирового большинства, в первую очередь, БРИКС или ШОС, и, конечно же, в различных аспектах взаимодействий «треугольника РИК», ставшего гибкой, прагматичной и стратегически важной конфигурацией. При всяком очередном клиническом пароксизме, выраженном в принятии Западом решений, направленных против России и ее стратегических партнеров, взвешенные и эффективные ответные шаги стран РИК и их партнеров, проявляющиеся как в сохранении и расширении экономического взаимодействия, так и в политической, либо ресурсной поддержке друг друга, подчеркивают кризис либерального международного порядка и сопротивление незападных центров силы политике гегемонии.

Неудивительно, что все больше стран во всех частях света отказываются от поддержки западных нарративов по ключевым вопросам мировой повестки. Иллюстрацией этому утверждению служат Резолюции Генассамблеи ООН по Украине (2023-2024 гг.), продемонстрировавшие раскол мирового сообщества, когда значительная часть стран, включая Индию и Китай, не поддержала западные инициативы, что показало пределы мифа об изоляции России. Этот феномен «мягкого балансирования» (soft balancing) против единственной сверхдержавы подробно описан в работах профессора Роберта Папе (Whitaker, 2019), который отмечал, что государства все чаще прибегают к дипломатическим и экономическим инструментам для ограничения гегемонии, избегая прямой военной конфронтации. Российский китаевед Александр Лукьянов дополняет эту концепцию, указывая на феномен «асимметричного сотрудничества» стран Глобального Юга, которые, не вступая в открытую конфронтацию с Западом, создают параллельные институты и правила игры, постепенно подрывающие монополию традиционных центров силы (Аль-Джанаби, Лукьянов, 2021).

Сегодня уже можно уверенно утверждать: однополярная модель более не отражает реальное распределение глобального влияния. В первую очередь это проявляется в снижении возможности западных стран оказывать императивное влияние, а попросту, давить на принятие решений иными государствами. Яркой

иллюстрацией является недавний демонстративный отказ Индии и Бразилии подчиниться американскому шантажу тарифами и вторичными санкциями, направленному на подрывающий их экономическую безопасность уход от российской нефти. Вполне очевидная отповедь на грубую попытку вмешательства в суверенные дела этих государств поставила в неловкое положение не ожидавшего такого поворота американского президента Дональда Трампа.

Концентрируя вышесказанное, можно утверждать, что противостояние двух концепций глобального миропорядка проявляется в первую очередь тем, что привычные механизмы принуждения и экономического подкупа встречают системное противодействие со стороны незападного лагеря. Торгово-экономические и военно-политические союзы в государствах глобального большинства начинают все чаще выстраиваться не по воле стран «золотого миллиарда», а в пользу собственных экономик. Решения принимаются не по команде «мирового начальства», а продиктованы собственными суверенными интересами. Свой путь, с кем торговать и развивать отношения, выбирают не только такие гиганты, как Индия или Китай, но и африканские Мали или Буркина-Фасо. Этот глобальный сдвиг свидетельствует о глубокой трансформации самой природы суверенитета в XXI веке, который перестает быть исключительной привилегией избранных и становится нормой для всех участников международных отношений.

ТРЕУГОЛЬНИК РИК И НОВАЯ МОДЕЛЬ БЕЗОПАСНОСТИ

Восточная мудрость гласит: «Сколько ни говори слово халва – халва, во рту от этого слаще не станет». Действительно, интересно осознать – какая практическая польза помимо политических деклараций от укоренившегося словосочетания «многополярный мир»? Чем эта формула укрепит государства, выбирающие полицентричный путь развития современной цивилизации?

Набирающее обороты геостратегическое взаимодействие «треугольника» Россия-Индия-Китай дает ответ на этот вопрос. Среди широкого спектра бесспорных плюсов, которые прочит набирающий силу миропорядок, особо следует выделить два наиболее актуальных. Речь о новой архитектуре международной безопасности и о формировании нового принципа международных экономических отношений. При этом важно подчеркнуть, что взаимодействие в формате РИК не сводится к простой сумме двусторонних отношений, а порождает синергетический эффект, создавая новое качество геополитической координации.

Ключевой аспект долгожданной смены мирового порядка - формирование новой модели международной безопасности, основанной на принципе «неделимости безопасности», провозглашенном Россией и поддерживаемом рядом стран Глобального Юга. Как подчеркивают исследователи В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин, данная концепция стала ответом на модель «безопасности для избранных», исповедуемую НАТО, и представляет собой инклюзивный подход, где решения принимаются с учетом интересов всех участников (Коньшев, Сергунин, 2024). Эта концепция находит отклик и в китайской внешнеполитической доктрине,

в частности, в продвигаемой Пекином идее «сообщества единой судьбы человечества», которая, несмотря на различия в терминологии, схожа в своем стремлении к созданию инклюзивной и равноправной системы глобального управления. Принципиальное отличие нового подхода от старого заключается в отказе от логики «сфер влияния» в пользу логики «сфер взаимодействия», где интересы различных держав не отрицаются, а становятся предметом переговоров и поиска баланса.

В отличие от подхода НАТО, который исторически строился на расширении военного присутствия в ущерб безопасности третьих стран, новая модель предполагает коллективное обсуждение угроз и поиск компромиссов без доминирования одного центра силы. На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 2023–2025 гг. страны РИК последовательно выступали против милитаризации международных отношений и за укрепление роли ООН как единственного легитимного форума по вопросам международной повестки, включая вопросы глобальной безопасности. Их совместные инициативы по кибербезопасности, противодействию терроризму и контролю над вооружениями демонстрируют практическую реализацию этого подхода, предлагая конкретные механизмы сотрудничества вместо конфронтационной риторики.

Индия, несмотря на участие в квадрате QUAD и сотрудничество с США, сохраняет стратегическую автономию и выступает за диалог между центрами силы. Китай и Россия, в свою очередь, активно продвигают инициативы по созданию региональных механизмов доверия в рамках ШОС и БРИКС. Особое значение в этом аспекте приобретает совместная позиция стран РИК по урегулированию кризисов на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Азии, где традиционное вмешательство Запада неизбежно приводит к дестабилизации. Примером может служить участие России, Китая и Индии в переговорах по урегулированию ситуации в Афганистане и Судане, активное выступление в целях стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, выдвижение и поддержка инициатив по нераспространению ядерного оружия. Тройка демонстрирует уникальную способность действовать как стабилизирующий фактор в регионах, исторически бывших ареной соперничества великих держав.

Члены «триумvirата» активно критикуют модель «безопасности для избранных», исповедуемую НАТО. В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин в своих работах считают, что в качестве альтернативы этой теории сформирован принцип «неделимой безопасности», активно продвигаемый Россией и Китаем (Коньшев, Сергунин, 2010). Разделяется странами мирового большинства концепция «общей, комплексной, совместной и устойчивой безопасности», лежащая в основе ШОС. В основе новой архитектуры безопасности лежит идея многосторонности, где решения принимаются с учетом интересов всех, а не диктуются одним блоком. Объективный подход не может не оценить роль форматов БРИКС и ШОС как платформ для диалога по безопасности, альтернативных НАТО-центричной модели, что не может не оказывать влияние на расширение числа государств - сторонников привлекательной модели. И, конечно, особо востребован акцент на борьбе с «тремя

силами зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм) как повестке, объединяющей абсолютно всех субъектов международных правоотношений. Эта практическая, неидеологизированная повестка резко контрастирует с абстрактными лозунгами «защиты демократии», за которыми часто скрываются узкокорыстные интересы.

Лучшим доказательством привлекательности концепции «общей, комплексной, совместной и устойчивой безопасности», а также других краеугольных позиций организации ШОС, является длинная очередь из стран, желающих вступить в этот клуб. От Ирана до Мьянмы, от ОАЭ до Монголии - растущий интерес к ШОС и параллельным структурам свидетельствует о глубоком запросе международного сообщества на альтернативные модели безопасности, основанные на взаимном уважении и прагматизме, а не на идеологическом догматизме и силовом диктате.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Второй по значимости после новой архитектуры международной безопасности становится новая модель межнациональных экономических отношений. Модель, основанная на отказе от незаконных торговых и финансовых ограничений как способов устранения экономических конкурентов и решения политических задач. Модель, исключающая использование валютных инструментов и международных финансовых институтов как оружия в борьбе против неугодных государств. Эта трансформация носит не столько технический, сколько цивилизационный характер, знаменуя переход от экономики доминирования к экономике сотрудничества.

Десятки тысяч ограничительных санкций, введенных странами Запада против Российской Федерации, незаконный захват и удержание финансовых и имущественных активов, принадлежащих нашей стране, стали спусковым механизмом в процессе роста недоверия значительного числа государств к существующей системе экономических, торговых и валютно-финансовых отношений, базирующихся на доминирующей роли в системе международных расчетов американского доллара, а также на созданных Западом и удерживаемым под своим контролем международным финансовым институтам, таким как МВФ, Банк развития, международная межбанковская система передачи финансовой информации (SWIFT). Массовый и произвольный характер применения санкций продемонстрировал, что долларовая система стала не просто инструментом экономического обмена, а механизмом принуждения, угрожающим суверенитету любой страны, не согласной с политикой Вашингтона.

Каждая страна отдает себе отчет, в том, что в случае определенной ситуации, она может быть безнаказанно изолирована и ограблена, причем не на основе норм международного права, а по прихоти мирового гегемона. Эти обстоятельства стали основой для серьезных размышлений в части постепенного отказа от доллара как основной валюты, используемой в качестве средства международных расчетов, поиска более безопасных и эффективных транспортно-логистических маршрутов, формирования новых рынков и создания альтернативных межнациональных финансовых организаций, имеющих обширные полномочия и защищенных от

неблагоприятного воздействия западных стран. Этот процесс, часто сводимый к термину «дедолларизация», на самом деле представляет собой более глубокую «девестернизацию» глобальных экономических связей, их переориентацию на незападные центры роста и альтернативные правила игры.

Невзирая на отчаянный протест Соединенных Штатов Америки, в мире все настойчивее стали говорить о дедолларизации как новом экономическом векторе многополярности. Ускорение этого процесса стало одним из наиболее значимых последствий западных санкций против России, расширения вторичных санкций против ее союзников и партнеров, а также американских тарифных атак практически на весь мир. Санкции, призванные ослабить Россию, закономерным образом стали драйвером формирования параллельной финансовой инфраструктуры, которая в долгосрочной перспективе подрывает основы долларовой гегемонии.

Страны РИК, обладающие крупнейшими резервами золота и стратегических ресурсов, стали активнее развивать механизмы расчётов в национальных валютах. В 2023–2025 гг. Россия и Китай в двусторонней торговле практически полностью перешли на расчёты в рублях и юанях. Индия, сохраняя осторожность в вопросах полного отказа от доллара, всё активнее участвует в экспериментах по использованию своей национальной валюты в торговле с Россией и странами БРИКС. Согласно исследованию Д.А. Дегтерева и А.С. Горда ключевыми проявлениями дедолларизации стали не только расчеты в национальных валютах, но и создание альтернативных финансовых институтов и платежных систем, таких как BRICS Pay, которая к 2025 году была связана уже с 75 странами (Дегтерев, 2024; Горда, 2024). Этот процесс является практическим воплощением более широкой теоретической концепции «финансового суверенитета», которую отстаивают многие экономисты Глобального Юга, выступая против долларовой гегемонии как инструмента неокOLONиализма.

На саммите БРИКС в Йоханнесбурге в 2023 г. и на последующих встречах министров финансов, включая встречу в Казани в 2024 г. обсуждалось создание единой платёжной системы и резервной валюты БРИКС, что со временем может стать альтернативой SWIFT и доминированию доллара. Как отмечают те же авторы, доля доллара в мировых валютных резервах снизилась с 71% в 1999 г. до 58% в 2023 г., в то время как доля валют стран глобального Юга, включая юань и рупию, демонстрирует устойчивый рост. Страны ШОС, где также представлены все три участника треугольника РИК, активно продвигают идею расчётов в национальных валютах в рамках региональной торговли и инвестиций. Этот переход носит постепенный и прагматичный характер, диктуемый не идеологией, а соображениями экономической целесообразности и снижения рисков.

Саммит БРИКС в 2025 году в Рио-де-Жанейро продвинулся еще дальше. Ключевой темой форума стало обсуждение глобального управления в сфере экономики и торговли. Участники саммита по предложению России приняли решение о создании Нового банка развития (банка БРИКС), призванного обойти долларовые заимствования и увеличить оборот местных валют. Как отмечают исследователи И.А.-О. Гулиев, Р.К. Мустафинов, «расширение БРИКС и создание

параллельных финансовых институтов представляет собой системный ответ на кризис доверия к западной модели глобального управления» (Гулиев, Мустафинов, 2015, с. 115). В финансовой сфере будет продолжено развитие системы BRICS Pay как альтернативы SWIFT. На практике доказали свою востребованность и эффективность СПФС (Система передачи финансовых сообщений) - российский национальный аналог SWIFT, обеспечивающая российским банкам обменом финансовыми сообщениями внутри страны и с рядом зарубежных партнёров из стран СНГ и Азии, а также CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) - китайская межбанковская система для проведения международных платежей в юанях. Цифровизация финансов становится рычагом, позволяющим преодолеть традиционные барьеры, созданные долларовой системой и создать более гибкую и децентрализованную архитектуру международных расчетов.

По словам Министра финансов Российской Федерации Антона Силуанова, сказанным в июле 2025 года по итогам заседания Годового собрания Совета управляющих НБР и заседания министров финансов и управляющих центральных банков стран БРИКС, на пространстве БРИКС под эгидой Нового банка развития будут предоставляться гарантии по кредитам банков, которые работают в каждой из стран для финансирования крупных инфраструктурных проектов. Россия, Индия и Китай активно продвигают использование цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровых валют в трансграничных расчетах. Это особенно актуально для государств, которые попали под незаконные санкции Запада. Эти инициативы, в свою очередь, усиливают утрату доверия в мировом сообществе к доллару как инструменту геополитического доминирования. По данным МВФ, доля доллара в мировых валютных резервах снизилась с 71% в 1999 г. до 58% в 2023 г., в то время как доля юаня, рубля и рупии постепенно растёт, особенно в рамках Южного полушария и Евразии. Все это не могло пройти мимо внимания 47-го президента США, который в первые же дни своей второй каденции разразился угрозами в отношении стран, намеревающихся искать замену доллару. Следует, однако, заметить, что на фоне десятков иных, так и не реализованных угроз, а также масштабной тарифной войны, развернутой Д. Трампом против всех, и чужих, и своих, устрашающий эффект этих угроз постепенно сходит на нет. Они стремительно теряют убедительность по мере того, как растет количество игроков, обладающих экономическим потенциалом, достаточным для того, чтобы игнорировать эти угрозы без катастрофических последствий для себя.

Параллельно с трансформацией системы международных расчетов происходит радикальная перестройка глобальных логистических маршрутов. Санкционные ограничения на использование традиционных морских и воздушных направлений стимулируют развитие альтернативных транспортных коридоров, в которых ключевую роль играют страны РИК. Наиболее ярким примером является развитие Международного транспортного-логистического коридора «Север-Юг», соединяющего Россию через Иран с Индией. По данным Стапан Н.В., в 2024 году объём перевозок по этому направлению вырос на 19% и составил 26,9 млн тонн, что

подтверждает его растущее стратегическое значение для евразийской логистики (Маслов, 2008). Параллельно развивается «Экономический пояс Шелкового пути», в рамках которого Россия, Китай и Индия участвуют в создании евразийской инфраструктурной сети, включая железнодорожные, энергетические и цифровые коридоры. Эти проекты меняют не просто карту грузопотоков, но и геоэкономическую конфигурацию всего евразийского континента, создавая материальную основу для многополярности в виде сети взаимозависимостей, альтернативных прежним, ориентированным на Запад маршрутам. В итоговом коммюнике по результатам состоявшейся 3 ноября 2025 года 30-й регулярной встречи глав правительств России и Китая говорится о развитии сотрудничества по вопросам Арктики, включая меры по созданию новых полярных судов и технологий, подготовке кадров и увеличению грузопотока по Северному морскому пути.

Важно отметить, что многие проекты реализуются вне рамок западных финансовых институтов – Всемирного банка и МВФ, финансируясь через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС и национальные инвестиционные фонды. Это позволяет странам РИК не только обходить санкционные барьеры, но и формировать собственную экономическую экосистему, устойчивую к внешнему давлению. Создается своего рода «параллельный мир» экономических связей, живущий по собственным правилам и все менее зависимый от политической воли Вашингтона и Брюсселя.

ВЫВОДЫ

Геополитический треугольник Россия–Индия–Китай сегодня уже не просто инструмент регионального сотрудничества, он становится центральным элементом формирующейся многополярной системы. В условиях системного кризиса однополярного порядка и попыток коллективного Запада изолировать Россию, взаимодействие этих стран приобретает стратегический характер, охватывая экономику, логистику и безопасность. Закономерным следствием жизнеспособности избранных тройкой ценностных ориентиров стал уверенный рост количества и расширение состава международных объединений, поддерживающих и развивающих заданный странами – основательницами РИК курс на перестройку современного мироустройства.

Развитие механизмов дедолларизации, создание альтернативных торговых маршрутов и продвижение инклюзивной модели безопасности свидетельствуют о том, что страны РИК не просто реагируют на вызовы, но и активно формируют новую глобальную повестку. Особую значимость приобретает тот факт, что сотрудничество в рамках треугольника строится не на идеологической основе, а на принципах прагматизма и взаимного учета интересов. Успех этого процесса будет зависеть от способности стран треугольника преодолеть внутренние разногласия, что наглядно в последнее время демонстрируют Индия и Китай, и предложить привлекательную альтернативу для других государств Глобального Юга и Востока. Ключевым вызовом остается сохранение баланса между стратегической автономией каждого участника и необходимостью координации действий по ключевым

вопросам мировой политики. Однако, как показала практика последних лет, именно гибкость формата РИК, его способность адаптироваться к меняющимся условиям, становится его главным преимуществом перед ригидными структурами западных альянсов.

Таким образом, геополитический треугольник РИК становится катализатором перехода от конфронтационной модели международных отношений к кооперационной, основанной на равноправии, суверенитете и многосторонности – ключевых принципах устойчивого многополярного миропорядка XXI века. Создаваемая странами РИК архитектура безопасности и экономического взаимодействия направлена не на противодействие кому-либо, а на закрепление инклюзивной модели развития, открытой для всех государств готовых к равноправному диалогу и сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аль-Джаноби, М.М., Лукьянов, А.Е. (2021). Современная философия востока: традиции и инновации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 25(2), 197-201.
- Бордачев, В.А., Кольга, В.В. (2024). Исследование траектории вывода полезного груза ракетой-носителем тяжёлого класса. *Сибирский аэрокосмический журнал*, 25(1), 68-84. <https://doi.org/10.31772/2712-8970-2024-25-1-68-84>
- Горда, А.С. (2024). Дедолларизация мировой экономики: причины, проявления, последствия. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*, 1(66), 52-63. <https://doi.org/10.29039/2312-5330-2024-1-52-63>
- Гулиев, И.А.-О., Мустафинов, Р.К. (2015). Обзор прогнозов долгосрочного изменения средневзвешенной цены на нефть. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 7(152), 113-116.
- Дегтерев, Д.А. (2024). Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая». *Россия и мир: научный диалог*, 4, 20-33.
- Иванов, Г.Г. (2025). Двойное контрсдерживание: анализ перспектив создания формализованного ядерного альянса между Китаем и Россией. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2, 39-53. <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-39-53>
- Коньшев, В.Н., Сергунин, А.А. (2024). Военная безопасность в арктике: новые угрозы для России. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 16(3), 127-152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>
- Коньшев, В.Н., Сергунин, А.А. (2010). Современная военная стратегия США: доктринальное и практическое измерения. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6(3), 133-148.

- Коростелев, С.В. (2016). Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов. *Управленческое консультирование*, 10(94), 34-44.
- Маслов, В.Н. (2008). *Восток-Запад: история и конфликты в современном мире*. Москва: РУДН, 180 с.
- Стапран, Н.В. (2014). Участие России в механизмах многостороннего взаимодействия в восточной Азии. *Вестник МГИМО Университета*, 3(36), 20-26.
- Сюй, Ч. (2023). Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай»: структура и проблемы взаимодействия. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 15(4), 107-141. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141>
- Ikenberry, G. J., Feng, Z., Jisi, W. (2015). *America, China, and the Struggle for World Order: Ideas, Traditions, Historical Legacies, and Global Visions*. Springer, 402 p.
- Kaplan, R.D. (2012). *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle*. New York: Random House, 432 p.
- Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers*. Harper Collins, 704 p.
- Mahbubani, K. (2018). *Has the West Lost It? A Provocation*. New Delhi: Allen Lane, 105 p.
- Menon, S. (2021). *India and Asian Geopolitics: The Past, Present*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 406 p.
- Waltz, K.N. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. REV-Revised*. Columbia University Press, 263 p.
- Whitaker, B.E. (2010). Soft Balancing Among Weak States? Evidence from Africa. *International Affairs*, 86(5), 1109-1127.

Для цитирования: Башкин, А.Д. (2026). Геостратегический треугольник Россия-Индия-Китай как драйвер многополярного мироустройства: новые контуры безопасности и экономики. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 11-26. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.001>

REFERENCES

- Al-Janabi, M.M. & Lukyanov, A.E. (2021). Modern Eastern Philosophy: Traditions and Innovations. *RUDN Journal of Philosophy*, 25(2), 197-201. (in Russian)
- Bordachev, V.A. & Kolga, V.V. (2024). Study of the Payload Launch Trajectory by a Heavy-Class Launch Vehicle. *Siberian Aerospace Journal*, 25(1), 68-84. <https://doi.org/10.31772/2712-8970-2024-25-1-68-84> (in Russian)
- Gorda, A.S. (2024). De-dollarization of the Global Economy: Causes, Manifestations, Consequences. *Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*, 1(66), 52-63. <https://doi.org/10.29039/2312-5330-2024-1-52-63> (in Russian)

- Guliyev, I.A.-O. & Mustafinov, R.K. (2015). Review of Long-Term Forecasts of Changes in the Weighted Average Oil Price. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(152), 113-116. (in Russian)
- Degterev, D.A. (2024). The Main Types of Power in the International Arena: Structural, Interdependence, "Hard" and "Soft" Power. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, 4, 20-33. (in Russian)
- Ivanov, G.G. (2025). Double Counter-Deterrence: An Analysis of the Prospects for Creating a Formalized Nuclear Alliance between China and Russia. *Analysis and Forecast. IMEMO Journal*, 2, 39-53. <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-39-53> (in Russian)
- Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2024). Military Security in the Arctic: New Threats to Russia. *Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, 16(3), 127-152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152> (in Russian)
- Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2010). Modern US Military Strategy: Doctrinal and Practical Dimensions. *Political Expertise: POLITEX*, 6(3), 133-148. (in Russian)
- Korostelev, S.V. (2016). The Evolution of Views on the Justification of Acts of Force before the Formation of Modern Institutions. *Management Consulting*, 10(94), 34-44. (in Russian)
- Maslov, V.N. (2008). *East-West: History and Conflicts in the Modern World*. Moscow: RUDN University, 180 p. (in Russian)
- Stapran, N.V. (2014). Russia's Participation in Multilateral Interaction Mechanisms in East Asia. *MGIMO Review of International Relations*, 3(36), 20-26. (in Russian)
- Xu, C. (2023). The Russia-India-China Strategic Triangle: Structure and Problems of Interaction. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, 15(4), 107-141. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141> (in Russian)
- Ikenberry, G. J., Feng, Z. & Jisi, W. (2015). *America, China, and the Struggle for World Order: Ideas, Traditions, Historical Legacies, and Global Visions*. Springer, 402 p.
- Kaplan, R.D. (2012). *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle*. New York: Random House, 432 p.
- Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers*. Harper Collins, 704 p.
- Mahbubani, K. (2018). *Has the West Lost It? A Provocation*. New Delhi: Allen Lane, 105 p.
- Menon, S. (2021). *India and Asian Geopolitics: The Past, Present*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 406 p.
- Waltz, K.N. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. REV-Revised*. Columbia University Press, 263 p.
- Whitaker, B.E. (2010). Soft Balancing Among Weak States? Evidence from Africa. *International Affairs*, 86(5), 1109-1127.

For citation: Bashkin, A.D. (2026). The Geostrategic Triangle of Russia-India-China as a Driver of a Multipolar World Order: New Contours of Security and Economy. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 11-26. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.001>

THE EURASIAN GEOPOLITICAL SPACE: SHAPING A NEW WORLD VIEW

Madina Sh. Dzhantaleeva

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7696-3311>

E-mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

ABSTRACT

The Eurasian geopolitical space is once again becoming a hot topic in global politics and the focus of attention for leading global players. In this region, old contradictions are once again intensifying, and new threats are emerging that threaten to disrupt the existing world order. The response of political elites to these changes is not always adequate or timely. This further complicates the contradictions of international relations. This paper analyzes the current political events that are shaping the geopolitical landscape of modern Eurasia. The purpose of this paper is to analyze the current state of international relations in key conflict zones of Eurasia and to demonstrate how these threats are influencing the reshaping of the geopolitical landscape. Events that appear kaleidoscopic at first glance actually fit into a complex picture reflecting the contradictory political reality of everyday life. All of this, in turn, forces academic scholarship to reconsider the criteria for assessing the Eurasian geopolitical space.

KEYWORDS

Eurasia; geopolitics; security; conflict of interest; threats; diplomacy; elites; Russia.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Джанталеева Мадина Шапигуловна

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева
Астрахань Россия

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7696-3311>

E-mail: lady.jantaleewa@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Евразийское геополитическое пространство вновь становится актуальной темой глобальной политики и вновь оказывается в эпицентре внимания ведущих мировых игроков. В этом регионе вновь обостряются старые противоречия и возникают новые угрозы, грозящие сломать существующий здесь миропорядок. Реакция на эти изменения политических элит не всегда оказывается адекватной и своевременной. Это еще больше сталкивает противоречия международных отношений. В настоящей работе анализируются текущие политические события, которые и формируют геополитическую картину современной Евразии. Цель работы – дать анализ современного состояния международных отношений в узловых конфликтных зонах Евразии и показать, как эти угрозы влияют на переформатирование геополитической картины мира. Носящие на первый взгляд калейдоскопический характер события, на самом деле укладываются в сложную картину, отражающую противоречивую политическую повседневность. Все это в свою очередь заставляет академическую науку пересматривать критерии диагностики евразийского геополитического пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразия; геополитика; безопасность; конфликт интересов; угрозы; дипломатия; элиты; Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Экспертным сообществом отмечается, что власти стран этого региона делают все от них возможное, чтобы создать стабильные политические и экономические системы. На это, собственно, указывает сама существующая здесь элитократия. (Карабущенко, Гайнутдинова, 2020, с. 60) Политические элиты используют любые возможности для установления конструктивных отношений. Россия всегда придерживалась принципов конструктивной дипломатии, особенно в отношении стран постсоветского пространства. (Григорьев, Рогов, 2024, с. 161) И совершенно иную картину мы наблюдаем во взаимоотношении Евразии и так называемого коллективного Запада. И Москва постоянно получала в свой адрес неза заслуженные обвинения в том, что она пытается реставрировать имперские амбиции Советского союза. (Оськина, Кудряшова, Джанталеева, 2021, с. 25) Запад (в лице Лондона и Вашингтона) фактически ведет с Россией прокси войну. Именно он стоит за всеми громкими террористическими акциями против Москвы. Причем сами находящиеся у власти политические элиты делают все, чтобы уйти от ответственности, поэтому предпочитают действовать в «серой зоне» (Оськина, 2023, с. 15).

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

В настоящее время идет весьма упорная борьба за Южный Кавказ и Среднюю Азию. Рост напряженности в этом регионе связан с активизацией англосаксонских провокаций. Цель – расшатать ситуацию, довести ее до открытого военного конфликта. На наших глазах вновь активизируется т.н. «Большая игра» – давление англосаксов (США и Британии) на Евразию. Их цель посредством провокации активизировать антироссийские настроения политических элит этих стран и усилить русофобские настроения. Особенно здесь заметны следы деятельности британских специальных служб.

Тактические действия Британии заключаются в нескольких фазах их провокационных действий: активизация антироссийской истерии в рамках информационной войны; ограничение торговли этих стран, путем снижения ее объемов; далее – рост политических провокаций (с целью дискредитации противника), нагнетание террористической угрозы и, наконец, война чужими руками...

Летом 2025 г. в Армении началась очередная антироссийская истерия, связанная с якобы попыткой организации государственного переворота. Под надуманным предлогом (очевидной провокации Туманного Альбиона!) были арестованы представитель армянской церкви и ряд предпринимателей, связанным с бизнесом с Россией. Правительство Н. Пашиняна начала активно расправляться с оппозицией в преддверии парламентских выборов 2026 г.

Отношения Пашиняна и Армянской апостольской церкви испортились окончательно после того, как католикос Гарегин II призвал к отставке Пашиняна за поражение во Второй карабахской войне. Премьер не раз весьма жестко (порой даже

в оскорбительной форме) критиковал иерархов за связи с предыдущими властями Армении¹. В среду, 25 июня 2025 г., армянские власти заявили о раскрытии плана по захвату власти и задержали 14 человек во главе с архиепископом Баграмом (Вазген Галстанян). В 2024 г. владыка Баграма стал лицом массового протестного движения, когда тысячи людей вышли на улицы под его началом, выступая против политики премьера Пашиняна. Власти утверждают, что организатором выступал католикос Гарегин II при поддержке российско-армянского миллиардера Самвела Карапетяна.

Одновременно с этим активизировались антироссийские провокации и в Азербайджане. В конце июня в Екатеринбурге полиция задержала порядка 50 россиян из азербайджанской диаспоры по подозрению в причастности к убийствам 2001-2010 гг. Инцидент вызвал резкую реакцию со стороны Азербайджана. Баку призвал Москву проверить, насколько законно задержание азербайджанцев. 29 июня 2025 г. Азербайджане свернули все культурные мероприятия, связанные с Россией (концерты, фестивали, выставки). Основанием для отмены в Министерстве культуры назвали аресты азербайджанцев в Свердловской области. Тогда же делегация парламента Азербайджана отказалась ехать в Москву в Федеральное собрание РФ по межпарламентскому сотрудничеству. На следующий день МВД Азербайджана организовало проведение «операции» в редакции «Sputnik Азербайджан», являющейся частью МИА «Россия сегодня». Были задержаны глава редакции «Sputnik Азербайджан» Игорь Картавых и шеф-редактор Евгений Белоусов. Редакция «Sputnik Азербайджан» назвала обвинения сотрудников в связях с ФСБ абсурдными². В СМИ Азербайджана стали разгоняться антироссийские настроения. Вновь появилась избитая русофобская фраза о том, что «Россия – тюрьма народов» и т.д. Подобного рода выпады были направлены на разжигания конфликта между Баку и Москвой. По сути, это был удар по руководству самого Азербайджана...

Англичане через Турцию рвутся на Каспий, расшатывая политическую ситуацию в Армении, в Азербайджане и в Казахстане. Великобритании нужен каспийский коридор, который бы они могли контролировать, ограничивая геополитическую свободу России и Ирана. Южный Кавказ всегда играл важную роль в обеспечении безопасности России. И именно здесь наибольшую активность проявляют британские спецслужбы. Это прямая угроза МТК «Север-Юг». Англия соблазняет Турцию переориентировать этот маршрут с Ирана на Турцию. Это операция по отсечению Ирана и России от Южного Кавказа.

Под предлогом того, что Москва вынашивает коварные планы по оккупации Казахстана, западные политические элиты раздувают историю о коварной Москве и демоническом Путине. Для коллективного Запада важно склонить на свою сторону культурные и политические элиты Казахстана, чтобы оторвать их от России.

¹ Пашинян бросился на Россию и церковь. Скандал в Армении набирает обороты: главное. Получено из: <https://dzen.ru/a/aFyRWrlg2A5XJ3QX>

² Иванова, О. (2025). Конфликт России и Азербайджана: почему задержали журналистов Sputnik. Получено из: <https://news.mail.ru/politics/66803873/>

Главная их цель – не допустить объединения России и Казахстана, разрушить их добрососедские союзнические отношения. С этой целью западные идеологи и геополитики начинают формировать образ России как главного исторического врага Казахстана. И ведущую роль в этом процессе демонизации Москвы играет посольство США в Казахстане. Именно по инициативе американского посла (2022-2025 гг.) Дэниела Нейтана Розенблюма (*Daniel Nathan Rosenblum*) стала раздуваться история о якобы геноциде казахского народа во время голода 1920-х гг. Тогда голод охватил значительные территории бывшего СССР (современной России, Украины и Казахстана). Но он носил объективный, а не политический характер. «Дэниел Розенблюм запомнился также усилиями по «деколонизации сознания» казахстанцев, продвижением интересов американских компаний, активной борьбой за соблюдение антироссийских санкций на территории Казахстана, внедрение системы отслеживания подсанкционных товаров на казахстанской таможне, заявлением о необходимости внедрения системы безопасности на нефтепроводе Каспийского трубопроводного консорциума»³.

Западные провокаторы активно втягивают страны этого региона в конфликты. Так, 19-20 июня 2025 г. воздушное пространство Казахстана было нарушено украинскими беспилотниками для ударов по России⁴. Тогда же во время ирано-израильского конфликта (13 – 24 июня 2025 г.) были зафиксированы удары БПЛА с территории Азербайджана по Ирану. Террористы использовали территории суверенных государств для проведения своих провокаций. Тогда «президент Ирана Масуд Пезешкиан призвал своего азербайджанского коллегу тщательно расследовать сообщения о том, что израильские беспилотники и самолеты могли проникнуть в воздушное пространство Ирана через Азербайджан»⁵.

Угрозой безопасности в Казахстане является значительный рост национализма. Этот национализм м основан на русофобии и распространения фейковых (откровенно клеветнических) измышлений. Такие активисты вращены западными фондами, а их действия направлены на унижение русских и русскоязычных казахов. К этим группам присоединяются бывшие политики, отстраненные от власти и стремящиеся к реваншу. Особым нападкам подвергается коллективная историческая память (например, совместная борьба с фашизмом), в негативном свете представлена СВО и т.д.⁶. В Москве вызывает опасение и военное сотрудничество Казахстана с откровенно русофобской Великобританией. В частности, речь идет о договоренностях по обучению казахских офицеров в военных британских вузах. Официально основными направлениями этого соглашения являются

³ Посол США Розенблюм уходит из Казахстана. Получено из: <https://ru.sputnik.kz/20241205/rozenblyum-ukhodit-iz-kazahstana-49049676.html>

⁴ Стало известно, кто бьет БПЛА по России из Казахстана. Получено из: <https://mosregtoday.ru/news/soc/stalo-izvestno-kto-bet-bpla-po-rossii-iz-kazahstana/>

⁵ Что происходит между Баку и Тегераном: война закончилась, пора начать «разборки». Получено из: <https://dzen.ru/a/aF-Iw345ZTw02Edo>

⁶ Эбзеева, М. (2025). «Может вспыхнуть вторая Украина»: письмо казахского хирурга вызвало бурю в соцсетях. Получено из: <https://vfokuse.mail.ru/article/inache-mozhet-vspyhnut-vtoraya-ukraina-pismo-kazahskogo-hirurga-vyzvalo-buryu-v-socsetyah-66587188/>

миротворческая и языковая подготовка. Но за всем за этим стоят стремление Лондона оторвать Казахстан от России и зайти на эту территорию⁷.

Англосаксы пытаются взломать отношения этих стран с Россией и Ираном, посеять недоверие и рознь. В ход идут все средства – от шантажа до провокаций.

В июле 2025 г. бывший руководитель администрации Алиева Эльдар Намазов заявил о том, что в Азербайджане может разместиться крупнейшая турецкая военная база в регионе. По его мнению, базу можно сдать в аренду союзнику Азербайджана – Пакистану⁸, ВВС которого обладают ядерным оружием. Эльдар Намазов отметил, что это необходимо из-за антиазербайджанских настроений России и Ирана: «Единственное, что их пока останавливает, – они не могут до конца просчитать военные и политические последствия агрессии против Азербайджана. Единственное, что их остановит навсегда и заставит смириться с нашим независимым существованием, – конкретное подтверждение невозможности или слишком высокой цены за подобную агрессию»⁹.

О деструктивном характере политики англосаксов свидетельствуют и их крайне негативные отношения с ИРИ. События в Иране в январе 2026 г. (массовые волнения с элементом вооруженного восстания) показали единство иранской политической элиты и раскол неформальной оппозиции. В условиях кризиса власти Тегерана четко технологически сработали, отключив Интернет, ограничив мобильность оппозиции. Самобытная политическая модель Ирана показала свою устойчивость. Управление страной построено на принципах оперативной замены выпавшего звена. И это придало стабильность власти. Власти Ирана утверждают, что беспорядки проходили под руководством иностранных кураторов¹⁰.

САММИТ «США – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ» 2025 г.

Стратегия коллективного Запада состоит в том, чтобы серьезно дестабилизировать геополитику евразийского региона. Для того, чтобы сохранять свою гегемонию, Вашингтон пытается постоянно вмешиваться во все мировые процессы. Как показывает политическая история последних двухсот лет, мир без США — это мир стабильности и безопасности. Об этом в свое время писал еще А.С. Панарин. (Панарин, 2002, с. 123) Весьма прагматическая «Стратегия национальной безопасности США» 2025 г. выражает базовую идею президента США Д. Трампа, который стремится закрыть все убыточные внешние проекты Вашингтона и

⁷ Казахстан и Великобритания подписали соглашение о военном сотрудничестве. Получено из: <https://www.rbc.ru/politics/06/06/2025/6842f0229a794783674cca7f>

⁸ Ранее стало известно, что правительство Пакистана объявило 6 июня 2025 года о подписании оборонного соглашения с Азербайджаном на сумму 4,6 млрд долларов США на продажу 40 истребителей JF-17 Thunder, сопровождаемого инвестиционным пакетом на сумму 2 млрд долларов США, пишет канал "Российское и зарубежное военное обозрение".

⁹ Крупнейшая военная база Турции раскрыла игру: Эрдоган готовит России в Баку "южную Прибалтику". Получено из: <https://dzen.ru/a/aGmTZlckRk23FFyY>

¹⁰ Провал цветной революции по-ирански: Тегеран устоял перед волной протестов. Беспорядки в Иране были иностранной провокацией, а не народной революцией. <https://ren.tv/longread/1398269-proval-tsvetnoi-revoliutsii-po-iranski-tegeran-ustoiial-pered-volnoi-protestov>

оптимизировать расходы¹¹. Именно в этом разрезе нам и следует рассматривать реальные действия американской дипломатии.

По мнению экспертов, Центральная Азия с населением более 80 млн человек становится все более важным рынком в мировой экономике. Отсюда просыпается интерес к ней со стороны ведущих стран мира. В связи с чем мировые державы, включая КНР, ЕС, Россию и США, пытаются получить к нему доступ. В этой связи примечательным стал саммит «США – Центральная Азия» (формат С5+1) который прошел 6 ноября 2025 г. в Вашингтоне. В переговорах участвовали президенты Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. Саммит стал частью формата сотрудничества «С5+1», направленного на укрепление политических и экономических связей между США и странами Центральной Азии. Примечательно кто из лидеров разговаривал на каком языке: президенты Узбекистана Шавкат Мирзиёев и Туркмении Сердар Бердымухамедов разговаривали с американским лидером Дональдом Трампом на русском языке; президент Кыргызстана Садыр Жапаров и лидер Таджикистана Эмомали Рахмон предпочли говорить на государственных языках своих стран, а президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев стал единственным представителем региона, выступившим на английском¹².

Во время саммита «США – Центральная Азия» (6 ноября 2025 г.) Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев обратился к Трампу на английском языке с теплыми словами: «Ровно год назад вы одержали убедительную победу на абсолютно честных выборах, и я убежден, что вы – великий государственный деятель, посланный свыше, чтобы вернуть здравый смысл и традиционные ценности, которые ценим, обратно в политику США, внутреннюю и внешнюю»¹³.

Сам Д. Трамп обратил внимание на стратегическое положение региона: «Эти страны некогда располагались на маршруте древнего Шелкового пути, связывавшего Восток и Запад. Это великолепная, величественная и прекрасная история. Сегодня их положение в сердце Евразии наделяет их колоссальным значением и огромным потенциалом»¹⁴.

Наиболее масштабное соглашение саммита было подписано между США и Узбекистаном. Президент Трамп сообщил в сети Truth Social: «Я рад объявить о невероятной сделке между США и Узбекистаном. В течение следующих трех лет страна закупит продукцию и инвестирует почти \$35 млрд в ключевые отрасли США». За десять лет он рассчитывает на превышение взаимными инвестициями суммы в \$100 млрд. Инвестируемые Узбекистаном в ближайшие годы десятки миллиардов долларов будут направлены в такие сектора экономики США, как

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. November 2025. 33 p. Получено из: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>

¹² «Государственный деятель, посланный свыше»: Токаев назвал Трампа великим политиком. Получено из: <https://dzen.ru/a/aQ3JOXu1vRzmE820>

¹³ Там же

¹⁴ Трамп открыл новую эпоху американской политики в Центральной Азии. Получено из: <https://vestikavkaza.ru/analitics/tramp-vzalsa-za-srednuu-aziu.html>

авиация, энергетика, сельское хозяйство, IT, инфраструктура и критически важные минералы¹⁵.

Наиболее крупной торговой и инвестиционной сделкой была заключена с Узбекистаном: Ташкент обещал инвестировать в экономику США и закупить американскую продукцию на сумму около \$35 млрд в течение 3 лет и свыше \$100 млрд в перспективе 10 лет. Также США и Узбекистан договорились сотрудничать в области редкоземельных металлов, авиации, автомобилестроения, инфраструктуры и информационных технологий. Ранее сторонами был анонсирован контракт на поставку 22 самолетов Boeing 787 Dreamliner на сумму \$8,5 млрд¹⁶. Д. Трамп даже не поинтересовался, есть ли у этих стран такие суммы? Для него самое главное было объявить о заключенной с ними сделке.

РОССИЯ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Задача коллективного Запада была создания напряженности на всех границах России. Самая протяженная граница России с Казахстаном. И как показывают развитие российско-казахстанских отношений, реальность свидетельствует о провале вышеуказанных западных планов. Форма политического диалога является наиболее востребованной для стратегий политических элит этого региона. Сама политическая культура Евразии исторически исходит из необходимости диалога и деструктивности войны (Карабущенко, 2021, с. 70). Коллективный Запад всегда стремился использовать существующие здесь противоречия в своих интересах.

Так существующие внутренние противоречия в Казахстане не позволяют этой стране занять более четкую внешнеполитическую позицию. Власти Казахстана всегда стремились проводить т.н. «многовекторную политику», которая заключалась в том, чтобы использовать свое выгодное геополитическое положение для балансирования между ведущими глобальными игроками – Россией, Китаем, ЕС и США (Джанталеева, 2022, с. 85).

В ноябре 2025 г. В.В. Путин и К.-Ж. Токаев вывели отношения России и Казахстана на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества. Политики тогда отмечали, что «нет ни одной сферы», где Москва и Астана не сотрудничали бы, и что «каких-либо серьезных проблем между нашими государствами не существует». «Если они появляются, что является естественным, то они снимаются усилиями прежде всего глав государств и, конечно же, правительств»¹⁷. Президенты подписали Декларацию о переходе отношений России и Казахстана на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества. До этого базовыми документами были Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1992 г., Декларация о вечной дружбе и

¹⁵ Трамп открыл новую эпоху американской политики в Центральной Азии. Получено из: <https://vestikavkaza.ru/analitics/tramp-vzalsa-za-srednuu-aziu.html>

¹⁶ Щелоков, А. (2025). США возвращаются в Центральную Азию: как прошел саммит лидеров региона в Вашингтоне. Получено из: <https://www.mn.ru/smart/ssha-vozvrashhayutsya-v-czentralnuyu-aziyu-kak-proshel-sammit-liderov-regiona-v-yashingtone>

¹⁷ Встреча с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым. Получено из: <http://kremlin.ru/events/president/news/78441>

союзнитстве, ориентированном в XXI столетие, 1998 г., Договор о добрососедстве и союзнитстве в XXI веке 2013 г.¹⁸.

Перед своим визитом в Россию в Президент Казахстана К.-Ж. Токаев в своей программной статье отмечал: «С момента обретения независимости Казахстан придавал особое значение развитию дружественных отношений с Россией. В первой концепции внешней политики страны, а затем в последующих подобных документах российское направление фиксировалось как неизменный приоритет... Казахстан и Россия – это государства-союзники и стратегические партнеры. Сама история предопределила нашу вечную дружбу, масштабное сотрудничество во всех отраслях, тесное взаимодействие в гуманитарной сфере»¹⁹. (Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, 2025) По его мнению, в настоящее время отношения Казахстана и России переходят на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества. «Казахстан и Россия выстроили по-настоящему образцовые межгосударственные отношения. Более трех десятилетий мы неуклонно развиваем наше многоплановое сотрудничество во благо двух народов... В целом в Казахстане успешно работают свыше 20 тысяч компаний с российским капиталом. Это не просто цифра, а реальный результат взаимовыгодного партнерства, благодаря которому открываются новые производства, создаются десятки тысяч рабочих мест, осуществляется трансфер передовых технологий, укрепляются связи между регионами и людьми».

Особо он подчеркнул евразийское сотрудничество ведущих стран этого региона. «Вместе мы прилагаем усилия для расширения возможностей восточной ветки транспортного коридора «Север – Юг», где уже сегодня отмечается значительный рост объема грузоперевозок. Особую роль в этом процессе играет железная дорога Россия – Казахстан – Туркменистан – Иран. Подписана дорожная карта, реализация которой увеличит пропускную способность этой стратегической артерии до 20 млн тонн в год в ближайшие пять лет»²⁰.

Официально казахские элиты признают необходимость развития культурных связей с Россией: «Великий Абай говорил: «Русская наука, культура – это ключ к мировым сокровищницам. Владеющему этим ключом всё другое достанется без особых усилий». – говорил К.-Ж. Токаев. – Конечно же, сегодня наступили другие реалии, но завещание великого Абая по-прежнему сохраняет свою актуальность, и эти слова действительно актуальны по сегодняшний день, и российские вузы, российская наука по многим показателям находятся в авангарде мирового научно-образовательного прогресса»²¹.

¹⁸ Как Казахстан стал стратегическим партнером России наряду с КНР и Ираном. Завершился государственный визит президента Казахстана в Москву. Получено из: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2025/691483f29a794761158fcf61>

¹⁹ Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев: «Вечная дружба – путеводная звезда для наших народов». *Российская газета*. Получено из: https://rg.ru/2025/11/11/prezident-respubliki-kazahstan-kasym-zhomart-tokaev-vechnaia-druzhiba-putevodnaia-zvezda-dlia-nashih-narodov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

²⁰ Там же

²¹ XXI Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана. Получено из: <http://kremlin.ru/events/president/news/78446>

На саммите Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в Бишкеке (27.11.2025 г.) была выработана новая архитектуры системной безопасности центральной Евразии. «За прошедшее десятилетие Организация Договора о коллективной безопасности превратилась в авторитетную региональную структуру. ОДКБ надёжно гарантирует безопасность и стабильность на евразийском пространстве, защищает суверенитет и территориальную целостность стран – участниц нашего объединения. С учётом геополитической напряжённости вполне логично, что на первый план выходит задача продвижения коллективных интересов и инициатив стран – участниц ОДКБ на мировой арене»²². Была принята стратегия установления эффективной системы безопасности, которая исключает присутствие в этом регионе третьих стран. Россия предложила свою архитектуру коллективной безопасности, основанной на глубокой военно-политической кооперации²³. Цель всего этого – вытеснение западных стран за геополитический периметр Евразии и установление режима равной ответственности за коллективную безопасность.

В заключении еще раз подчеркнем основополагающую мысль известного российского геополитика А.С. Панарина, что мир в Евразии зависит от того, насколько успешно из этого региона будет вытеснен т.н. коллективный Запад во главе с англосаксами и насколько успешно геополитические лидеры Евразии (Китай, Индия, Россия, Иран) договорятся о коллективной системе безопасности (Панарин, 2002, с. 302).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный нами материал указывает на то, что вмешательство стран коллективного Запада во главе с США в дела евразийских государств носит характер «последней атаки», когда решается судьба однополярного мира. Ведущие страны Евразии (государства-цивилизации: Китай, Россия, Иран, Индия) являются приверженцами идеи многополярного мира и диалога культур и цивилизаций. Их диалог носит консенсусный характер,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев, А.В., Рогов, А.В. (2024). Российско-азербайджанские отношения в дискурсе азербайджанской политической элиты и общественного мнения. *Вопросы элитологии*, 5(3), 156-166. <https://doi.org/10.46539/elit.v5i3.212>
- Джанталеева, М.Ш. (2022). Политические элиты Казахстана и кризис 2022 года. *Вопросы элитологии*, 3(3), 81-95. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i3.118>
- Карабущенко, П.Л. (2021). Политическая культура евразийских элит: от частного к общему. *Вопросы элитологии*, 2(4), 63-84. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.85>

²² Саммит ОДКБ. Получено из: <http://kremlin.ru/events/president/news/78565>

²³ Ответы на вопросы российских СМИ. Получено из: <http://kremlin.ru/events/president/news/78571>

- Карабущенко, П.Л., Гайнутдинова, Е.В. (2020). Политическая герменевтика и современная элитократия. *Вопросы философии*, 4(2), 58-68. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-58-68>
- Оськина, О.И. (2023). Евразийские и европейские элиты в зеркале карнавальной политической культуры. *Вопросы элитологии*, 4(4), 13-25. <https://doi.org/10.46539/elit.v4i4.172>
- Оськина, О.И., Кудряшова, Е.В., Джанталеева, М.Ш. (2021). Имперская идея в системе международных отношений. *Вопросы элитологии*, 2(4), 22-35. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.82>
- Панарин, А.С. (2002). *Искушение глобализмом*. Москва: Эксмо-Пресс, 416 с.

Для цитирования: Джанталеева, М.Ш. (2026). Евразийское геополитическое пространство: формирование новой картины мира. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 27-37. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.002>

REFERENCES

- Grigoriev, A.V. & Rogov, A.V. (2024). Russian-Azerbaijani Relations in the Discourse of the Azerbaijani Political Elite and Public Opinion. *Issues in Elitology*, 5(3), 156-166. <https://doi.org/10.46539/elit.v5i3.212> (in Russian)
- Dzhantaleeva, M.Sh. (2022). Political Elites of Kazakhstan and the Crisis of 2022. *Issues in Elitology*, 3(3), 81-95. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i3.118> (in Russian)
- Karabushchenko, P.L. (2021). Political Culture of Eurasian Elites: From the Particular to the General. *Issues in Elitology*, 2(4), 63-84. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.85> (in Russian)
- Karabushchenko, P.L. & Gainutdinova, E.V. (2020). Political Hermeneutics and Modern Elitocracy. *Voprosy Filosofii*, 4(2), 58-68. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-58-68> (in Russian)
- Oskina, O.I. (2023). Eurasian and European Elites in the Mirror of Carnival Political Culture. *Issues in Elitology*, 4(4), 13-25. <https://doi.org/10.46539/elit.v4i4.172> (in Russian)
- Oskina, O.I., Kudryashova, E.V. & Dzhantaleeva, M.Sh. (2021). The Imperial Idea in the System of International Relations. *Issues in Elitology*, 2(4), 22-35. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.82> (in Russian)
- Panarin, A.S. (2002). *The Temptation of Globalism*. Moscow: Eksmo-Press, 416 p. (in Russian)

For citation: Dzhantaleeva, M.Sh. (2026). The Eurasian Geopolitical Space: Shaping a New World View. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 27-37. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.002>

PROBLEMS OF CULTURAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPING DIGITAL REVOLUTION (SOCIOLOGY OF DIGITAL ELITES)

Pavel L. Karabushenko

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

ABSTRACT

The world is constantly facing threats associated with inadequate assessment and irrational use of the latest technologies, leading to revolutionary changes. Many analysts consider the current historical moment to be a digital revolution. The changes taking place are truly revolutionary in nature, and this requires analytical science to take equally revolutionary approaches and make adequate assessments. However, these assessments must be objective. Inadequate assessments of the capabilities and consequences of applying the latest digital technologies lead professional elites to systemic failures, cause crises and new threats and challenges to security. In the long term, such inadequacy threatens to lead society and the state into a historical impasse. This poses a threat to civilisation as a whole. In this paper, we intend to examine topical issues related to the development of digital technologies and their impact on the security system of modern societies and states. We are interested in the reaction, assessment and behaviour of professional elites who are responsible for both the development of digital technologies and their misuse in practice.

KEYWORDS

digitalisation; artificial intelligence (AI); neural network; scientific elite; technologies; digital threats; security; cultural codes.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ (СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВЫХ ЭЛИТ)

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В мире постоянно возникают угрозы, связанные с неадекватной оценкой и нерациональным использованием новейших технологий, приводящих к революционным изменениям. Переживаемый в настоящее время исторический момент, многими аналитиками оценивается как цифровая революция. Происходящие изменения действительно носят по-настоящему революционный характер и это требует от аналитической науки таких же революционных подходов и адекватных оценок. Но эти оценки должны носить объективный характер. Неадекватные оценки возможностей и последствий применения новейших цифровых технологий приводят профессиональные элиты к системным сбоям, вызывают кризисы и новые угрозы и вызовы для безопасности. В перспективе подобная неадекватность грозит тем, что общество и государство могут быть заведены такими элитами в исторический тупик. Возникает угроза цивилизационного уровня. В настоящей работе мы намерены рассмотреть актуальные вопросы, связанные с развитием цифровых технологий и их влияние на систему безопасности современных обществ и государств. Нас интересует реакция, оценка и поведение профессиональных элит, которые отвечают как за развитие цифровых технологий, так и за их неправильное применение на практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цифровизация; Искусственный Интеллект (ИИ); нейросеть; научная элита; технологии; цифровые угрозы; безопасность; культурные коды.

ВВЕДЕНИЕ

Еще вчера цифровизация воспринималась и оценивалась как сфера откровенной фантастики. Но в настоящее время мы видим происходящие повсюду революционные преобразования, становящиеся реальностью. Цифровая революция набирает свои обороты. И общественные науки просто по времени не успевают своевременно оценивать все эти происходящие изменения. Поэтому любая оценка цифровой действительности уже важна и ценна сама по себе.

Как правило, цифровые технологии связаны с использованием нейросети и искусственного интеллекта (ИИ). Именно с ИИ связаны все перспективы развития этих новейших систем. Использование искусственного интеллекта должно в разы усилить творческие возможности человечества и привести к возникновению нового типа профессиональных элит (Алексеева, 2025). Одной из важнейших проблем ИИ является проблема достоверности используемой информации. В разы возрастает проблема верификации, поскольку фальсификация также усиливается в разы (Федоров, 2025).

В этих новых условиях возрастает роль подготовки профессиональных кадров, компетенции которых основаны на передовых цифровых технологиях (Карабущенко Н, Карабущенко П, 2025). Такие технологии – вызов современности. Они несут как новые перспективы, так и таят в себя реальные угрозы. Именно они теперь формируют базовые ценности и основу идентичности нового поколения профессиональных элит (Дрягалов, 2025). Нейросеть может переформатировать рынок труда в сфере креативных профессий. При этом скорость профессионального усвоения новых технологий не у всех одинаковая и не всегда адекватна и своевременна. И эти несовпадения таят в себе объективную угрозу. Возникают разночтения в понимании сущности значения и использование цифровых технологий.

Общественные сдвиги сопровождаются сдвигами и в политике. Власти по всему миру стоят перед вызовом цифровой современности. Одних этот вызов страшит, других вызывает оптимистический прилив сил (Понеделков, Карабущенко, 2025; Косов, Половцев, 2025; Миргород, 2025; Романцова, 2025). Ситуация осложняется тем, что политическим элитам приходится действовать в условиях глобализации и роста геополитической конфликтности (Куцаенко, Воробьев, Нефедов, 2025). Риски, связанные с этим, не всегда ими успешно и своевременно нивелируются. К политическим проблемам добавляются еще социальные и экономические угрозы, которые постоянно отвлекают (а порой и сами определяют повестку дня) внимание политиков от их сугубо политических проблем (Великая, Арямова 2025).

Цифровые технология могут повлиять на состояние культурных кодов человечества и у современной науки пока еще нет четких представлений, как и в каком объеме все это будет происходить. Гуманитарные и социальные науки находятся только в состоянии первоначального осмысления и накопления данных по этой проблеме.

Цифровые технологии стали драйвером формирования новой базы развития человечества. Особенно это влияет на культурные стороны состояния современного социума. Но насколько власти и само общество понимают происходящие изменения? Этот вопрос остается открытым и не скоро будет закрыт (возможно, что этого никогда не произойдет). Именно в этом можно усмотреть вечно цветущую актуальность.

СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВЫХ ЭЛИТ

Цифровые технологии приносят в наш мир весьма существенные изменения, полностью меняющие ее лицо. Это не формализм и не косметические коррекции, а действительно серьезные перемены. В современной науке уже выстраивается некая логическая позиция, связанная с появлением таких новых понятий, как: 1) цифровой человек (цифровая личность), 2) цифровое общество, 3) цифровая наука (и образование), 4) цифровая экономика, 5) цифровая элита, 6) цифровое государство, 7) цифровая цивилизация, 8) цифровая эпоха... Сумма этих понятий и объединяет круг проблем т.н. «большой цифры». Именно анализом такой новой реальности и занимается социология цифровых элит. Почему именно элиты? Потому, что именно в элитах эта новая реальность и проявляется и они являются носителями этих новых ценностей. Происходит то, что в свое время произошло с высокими идеями гуманизма – этими идеями владел узкой круг интеллектуальной элиты, тогда как в политической реальности творились еще откровенно средневековые варварские безобразия (Карабущенко, 2025).

Цифровая цивилизация понимается нами как некая сумма всех вышеназванных цифровых явлений. Причем, чем больше в этой системе будет обнаруживаться их внутренняя логика, тем полнее будет выглядеть и сама эта цивилизация. В этом мы видим диалектическое соотношение части и целого. Поэтому важен каждый элемент этой системы и нельзя ничего игнорировать.

Очевидно, что цифровые технологии уже начинают оказывать существенное влияние на культурные коды ведущих стран и народов мира. Эти изменения пока происходят на элитарном уровне, но могут весьма быстро затронуть и массовые структуры.

Акцентируя наше внимание именно на вопросах становления цифровой элиты, мы также должны признать, что рассмотрение ее вопросов необходимо с учетом таких сопутствующих её понятий, как цифровой человек, цифровое общество и государство. Речь идет о комплексном подходе к исследованию отмеченным нами изменений. И именно эти изменения как раз и являются объектом новой цифровой социологии, как взгляда на современное общество и современного человека.

Социология цифрового общества нацелена на анализ происходящих в нем стремительных изменений, связанных с широким использованием цифровых технологий и их глубоким научным развитием. И именно цифровые элиты являются важнейшим маркером этих изменений. Они пионеры этих новаций. И чем серьезнее

эти новации, тем значительнее роль самих элит. Особенно научных. Особенно политических.

Научная элита (а точнее, научные элиты) стремятся к научным прорывам. От нее требуется повышение эффективности и повышение качества новейших научных разработок. Их задача – производство нового качества, основанного на новейших научных принципах. Это «прорывные элиты». Их результативность – залог стабильности и безопасности. Научные элиты создают будущее. Они и создают новый тип общества. Научные элиты обеспечивают «прилив, который подымает все лодки». В истории элит еще не было такого вызова. Это совершенно иной тип отношения в новой системе цветущего многообразия. Предугадать, как эта система будет в дальнейшем развиваться, практически невозможно. Каждый новый момент современности вносит свои уточнения в актуальность.

Гуманитарные науки просто обязаны уже думать о том, как обеспечить безопасность человека от чрезмерного давления нейросети на его культурную оболочку. Уже зафиксированы случаи, когда ИИ-доктор нанес вред пациенту. Законодательство должно застраховать человека от таких случайных ошибок машины, чьи технологии еще не вполне совершенны. Цифровая валюта все чаще начинает фигурировать в преступных схемах и в судебных разбирательствах. Существует правовой вакуум в отношении ответственности за ошибки ИИ, который использует человеческий опыт в изменено-цифровом виде. Человек должен быть защищен в правовом плане от излишнего давления со стороны высоких технологий.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Безопасность всегда требует к себе системного подхода. Безопасность без системной не бывает. Это означает, что в ней существует не просто целая система, а особая иерархия, которая начинается с решения проблем социальной безопасности и завершая геополитической балансировкой. Безопасность основывается на балансе сил. И эта балансировка требует постоянной корректировки.

В системе безопасности выстраивается некая логическая последовательность. Как система, безопасность может быть представлена в следующем виде: культурная (духовная), экономическая, социальная, политическая (как внутренняя, так и внешняя). И на все эти современные структуры цифровые технологии оказывают весьма серьезное влияние.

Культурная (духовная) безопасность является базовой для всех других системных звеньев. И именно культурная элита (в частности, ее научная часть) отвечает за стратегическое развитие технологий цифрового общества. Известно, что национальные общественные науки всегда служат интересам своих национальных элит (в том смысле, что создаваемые ими теории обслуживают их национальные запросы). И когда российская научная общественность принимает западные политологические теории, то тем самым она погружается в сферу интересов иноземных властей. Только серьезное образование (плановое развитие человеческого капитала) и проведение позитивной селекции элит, может

гарантировать безопасность в этом вопросе. Самостоятельная национальная наука является основой национального суверенитета.

Культурная безопасность касается главным образом уточнения сущности таких понятий, как цифровой человек, цифровая наука и цифровое образование. Эти вопросы связаны с гуманитарными вопросами, связаны с этическими аспектами современной эпохи. При использовании цифровых технологий не должен пострадать ни один человек, ни одна личность не должна быть ущемлена в своих правах, интересах и ценностях.

Цифровая экономика несет не только благо, но таит в своем развитии и некие новые виды угроз и вызовов. Речь чаще всего идет о формировании нового вида социально-экономического неравенства и нарушения принципов справедливости. Но неизменным остается одно – создание новых материальных ценностей, обеспечивающих благосостояние граждан и отстаивание стандартов своей цивилизации.

Цифровизация мировой экономики уже приводит к нарушению баланса ведущих экономик. Удар наносится по существующей финансовой системе. Так, доллар уже начинает приносить убытки тем, кто им обладает; он стал «опасным активом»¹. Даже сами западные экономические аналитики признают, что долларовые активы уже более не безопасны. Доллар опасная (токсичная) валюта потому, что сами США разрушает мировой экономический порядок. Идет *торговля обесцениванием*. Под угрозой оказываются высокие технологии (например, технологии «кремневой долины»), акции компаний которых оказались искусственно раздутыми). Новый «мыльный пузырь» начинает формироваться вокруг перспектив развития искусственного интеллекта. Так содержимое одного «мыльного пузыря» перекачивается в другой такой же «мыльный пузырь». В мире идет игра с нулевой суммой. Позитивного роста нет. Но всем хочется прекрасно жить. Поэтому сильный вновь начинает грабить слабого.

Угроза в системе безопасности может возникнуть по весьма банальным причинам. Приведем всего лишь один из них. Высокотехнологичные системы всецело зависят от стабильности обычной энергетики. Без энергетики их нет и быть физически не может. И ограничение (например, дефицит) электроэнергии является самой серьезной угрозой в системе безопасности.

Социальная безопасность является важнейшим внутренним фактором, который снимает социальную напряженность и смягчает социальную дистанцию между богатством и бедностью. Угроза конфликта равенства упирается в проблему социальной справедливости. Если фактор угрозы социального конфликта выходит из-под контроля власти и самого общества, государство может быть разорванным изнутри. Так случилось с Россией в 1917 и 1991 годах. В современных условиях необходимо устранить угрозу роста социального неравенства в связи с развитием

¹ Cover Story newsletter: The dangerous dollar. *The Economist*. Получено из: <https://www.economist.com/the-world-this-week/2026/02/06/cover-story-newsletter-the-dangerous-dollar>

цифровых технологий. Цифровая экономика порождает свои особые риски и угрозы нарушения общественного равенства (как равновесия возможностей).

В международных отношениях возрастает угроза кибервойн на базе цифровых технологий между ведущими мировыми державами. Взлом кодов становится обычным делом. Это невидимая война все больше будет отвечать образному выражению «война теней» или «Большая игра»). Цель таких кибер атак – раскрытие государственных тайн противника, нанесение ему максимального вреда. Все это разрушает систему стратегической безопасности.

Насколько современный человек доверяет технологиям на основе ИИ? Пока мы можем с уверенностью констатировать, что от восторженных ожиданий до панических истерик один шаг. Доверие к ИИ может подорвать сам ИИ, когда «он» решит создать свой собственный (понятный только ему) язык, чтобы оградить себя от контроля и влияния человека. Такой пока гипотетический враждебный акт может означать пресловутое «восстание машин». И знаменитые три закона робототехники Айзика Азимога будут просто аннулированы и выброшены на свалку мировой фантастики.

В мире повсеместно в разы увеличились преступления в сфере IT-технологий. Рост киберпреступлений в сфере коммуникационных информационных технологий стало уже самой настоящей цифровой пандемией. Но нейросети уже активно также используются и в борьбе с преступлениями. Поэтому криминализация ИИ – это новый вызов всему современному человечеству, с которым ему предстоит самым решительным образом побороться.

В настоящее время уже признано, что в работе с ИИ все зависит от того, как эти нейросети будут настроены, какая исходная информация в них будет заложена. Угроза возникает там, где объективная информация начинает ограничиваться некими субъективными рамками. Некорректные фильтры информации, приводят к некорректным выводам ИИ. И тот, кто контролирует ввод информации в ИИ, контролирует и результат ее работы. В политике это считается нормой, тогда как в науке – недопустимой патологией.

Следует со всей определенностью признать, что сам ИИ никогда не сможет заменить высококвалифицированного специалиста и творчески одаренную личность. ИИ может конкурировать только с менее квалифицированными и менее креативно одаренными персонами. Поэтому чем выше уровень профессионализма человека, тем ниже для него будет степень угрозы конкуренции со стороны ИИ. Более того, возможности ИИ тоже имеют свои физические и ментальные ограничения. Например, ИИ нуждается в человеке, как производителе энергии. Это элементарные условия существования ИИ. Но без этой элементарности ИИ существовать просто физически не может. Поэтому без человека ИИ нет и быть не может. И сам ИИ должен это прекрасно понимать.

Экспертами отмечается, что технологии, основанные на нейросети, могут при их чрезмерном применении (подмены самого человека) привести к деградации человеческого мозга. Например, нейросеть уже заменяет такую профессию как переводчик, что снижает зависимость человека от необходимости изучения

иностранных языков. Когнитивные способности человека напрямую зависят от заложенной в него системы знаний и способности творческого применения этого багажа на практике. То, что раньше совершенствовало человеческий разум, делала личность более гармоничной и развитой, теперь может стать пережитком «новейшей архаики». В описанной ситуации важно найти приемлемый для всех сторон компромисс и свести все возможные риски к минимуму. Это стратегически важно особенно для снижения рисков когнитивного здоровья человека зрелого и преклонного возраста.

Известно, что в языке отражается культурный опыт конкретного народа. Утрата этой традиции, может привести к кризису этноса и нации. Речь идет об угрозе разрушению культурных кодов конкретной ментальной системы. Эти глубинные сдвиги тают в себе не меньшие угрозы, чем публичные политические кризисы. Они менее заметны, но более существенны. И современные гуманитарные науки должны уделять пристальное внимание в оценке качества человека и общества XXI столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие риски и угрозы несут и тают в себе цифровые технологии, связанные с ИИ? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо разобраться с самими рисками и угрозами, что они собой представляют. В настоящей работе мы лишь обратили внимание на малую часть проблем, возникающих на наших глазах в ходе применения технологий-ИИ. В основе гуманитарной составляющей цифровой эпохи лежит требование о том, что цифровые технологи не должны навредить ни одному человеку и приносить максимальную пользу и удобства личности. Из этого идеала исходят многие прогнозы развития ИИ в ближайшем будущем.

Грандиозная трансформация, которую переживает в настоящее время мир, требует создание новой системы образования, социального порядка и стратегической политической безопасности. Современные угрозы исходят из тотального нарушения иерархического порядка, нарушения формального правового пространства. В первой четверти XXI столетия в мире наступило десятилетие хаоса. И это десятилетие грозит превратиться в столетие, если ведущие страны мира не смогут договориться о новых правилах большой игры.

В настоящее время Россия (Восточная Европа) дистанцировалась от Западной Европы (ЕС), видя в ней, прежде всего, духовную и политическую угрозу. Западная цивилизация в ее нынешнем виде – символ декаданса и нравственного уродства. Моральное расхождение России и т.н. «коллективного Запада» во главе с США все больше углубляется. Произошел цивилизационный раскол внутри некогда единой европейской цивилизации. Географически Россия и Западная Европа друг от друга никуда не денутся. Но принять современные ценности Западной Европы Восточная Европа (Россия) не может и не хочет. В этом отрицании и заключается смысл нашего времени...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, И.Ю. (2025). Искусственный интеллект и искусственная элита. *Вопросы элитологии*, 6(3), 12-29.
- Великая, С.А., Арямнова, Ю.В. (2025). Функционирование российской бизнес-элиты в цифровую эпоху: интеграция и государственное партнерство. *Вопросы элитологии*, 6(3), 164-175.
- Дрягалов, В. (2025). Идентичность цифровых элит в условиях новых вызовов информационно–технологической эпохи. *Вопросы элитологии*, 6(3), 176-187.
- Карабущенко, Н.Б., Карабущенко, П.Л. (2025). Информационно-экономическая и международная безопасность России: перспективы подготовки кадров для элиты. *Вопросы элитологии*, 6(3), 114-132.
- Карабущенко, П.Л. (2025). Утопический гуманизм: культурные коды философии человеколюбия. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 5(2), 26-43. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2025.5.2.002>
- Косов, Г.В., Половцев, О.В. (2025). Концепция типологизации ряда проблем публичного управления и возможности их проектного решения в эпоху тотальной цифровизации. *Вопросы элитологии*, 6(3), 63-74.
- Куцаенко, Е.И., Воробьев, Г.А., Нефедов, С.А. (2025). Политические элиты как актор глобальной цифровой системы. *Вопросы элитологии*, 6(3), 84-93.
- Миргород, Д.А. (2025). Цифровизация оппозиционных элит в политическом процессе государств Ближнего Востока. *Вопросы элитологии*, 6(3), 75-83.
- Понеделков, А.В., Карабущенко, П.Л. (2025) Политические элиты современной России в условиях становления «цифрового общества». *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (3), 220-231.
- Романцова, М.А. (2025). Проблемы формирования политических элит в эпоху развития цифрового общества. *Вопросы элитологии*, 6(3), 150-163.
- Федоров, А.В. (2025). Искусственный интеллект и дезинформация. *Вопросы элитологии*, 6(3), 30-51.

Для цитирования: Карабущенко, П.Л. (2026). Проблемы культурной безопасности в условиях развития цифровой революции (социология цифровых элит). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 38-47. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.003>

REFERENCES

- Alekseeva, I.Yu. (2025). Artificial Intelligence and Artificial Elite. *Issues in Elitology*, 6(3), 12-29. (in Russian)

- Velikaya, S.A. & Aryamnova, Yu.V. (2025). Functioning of the Russian Business Elite in the Digital Age: Integration and State Partnership. *Issues in Elitology*, 6(3), 164-175. (in Russian)
- Dryagalov, V. (2025). Identity of Digital Elites in the Context of New Challenges of the Information Technology Age. *Issues in Elitology*, 6(3), 176-187. (in Russian)
- Karabushchenko, N.B. & Karabushchenko, P.L. (2025). Information, Economic, and International Security of Russia: Prospects for Training Personnel for the Elite. *Issues in Elitology*, 6(3), 114-132. (in Russian)
- Karabushchenko, P.L. (2025). Utopian Humanism: Cultural Codes of the Philosophy of Philanthropy. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 5(2), 26-43. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2025.5.2.002> (in Russian)
- Kosov, G.V. & Polovtsev, O.V. (2025). The Concept of Typology of a Number of Public Administration Problems and the Possibility of Their Project Solution in the Era of Total Digitalization. *Issues in Elitology*, 6(3), 63-74. (in Russian)
- Kutsaenko, E.I., Vorobyov, G.A. & Nefedov, S.A. (2025). Political Elites as an Actor in the Global Digital System. *Issues in Elitology*, 6(3), 84-93. (in Russian)
- Mirgorod, D.A. (2025). Digitalization of Opposition Elites in the Political Process of the Middle East States. *Issues in Elitology*, 6(3), 75-83. (in Russian)
- Ponedelkov, A.V. & Karabushchenko, P.L. (2025) Political Elites of Modern Russia in the Context of the Emergence of the "Digital Society". *State and Municipal Administration. Scientific Notes*, (3), 220-231. (in Russian)
- Romantsova, M.A. (2025). Problems of Formation of Political Elites in the Era of the Development of the Digital Society. *Issues in Elitology*, 6(3), 150-163. (in Russian)
- Fedorov, A.V. (2025). Artificial Intelligence and Disinformation. *Issues in Elitology*, 6(3), 30-51. (in Russian)

For citation: Karabushchenko, P.L. (2026). Problems of Cultural Security in the Context of the Developing Digital Revolution (Sociology of Digital Elites). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 38-47. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.003>

THE RELATIONSHIP BETWEEN TRADITION AND INNOVATION IN THE DYNAMICS OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS: TOWARDS THE PROBLEM OF CULTURAL SECURITY

Anna V. Komarova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5377-2119>

E-mail: janeiro25@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the dynamics of institutional aspects of socio-cultural systems. The main purpose of the article is to identify the interaction of institutions of tradition and innovation, to show how, on the one hand, their unity and integrity are modeled and maintained in order to preserve the meaningful orientations of Russian society and cultural security, and on the other hand, how their relationships change and adapt in the search for new ideas to realize the diversity of social and cultural existence. The article analyzes the possibilities of using folk art traditions to stimulate the intellectual and creative potential of society and the development of creative industries as new cultural forms, indicates the basic conditions and requirements that contribute to the formation of positive trends in socio-cultural development and the preservation of the core of Russian culture, as well as the ongoing negative processes that form "false attractors" and harm both the assimilation of traditions. local culture, as well as the unified cultural space of the country. The cultural environment as a space for dialogue between tradition and innovation is able to integrate Russian society and transfer socio-cultural experience between generations, but on condition that culture retains the quality of a meta-system, rather than a sector of socio-economic development and an object of the creative economy.

KEYWORDS

dialogue; innovation; creative industries; culture; cultural environment; folk art; society; crafts; socio-cultural institutions; tradition.

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В ДИНАМИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Комарова Анна Владимировна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации

Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5377-2119>

E-mail: janeiro25@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамика институциональных аспектов социокультурных систем. Основной целью статьи является выявление взаимодействия институтов традиции и инновации, показывается каким образом, с одной стороны, моделируется и поддерживается их единство и целостность для сохранения смысложизненных ориентаций российского общества и культурной безопасности, а с другой как изменяются и адаптируются их взаимоотношения в поиске новых идей для реализации многообразия социального и культурного бытия. В статье анализируются возможности использования традиций народного творчества для стимулирования интеллектуально-творческого потенциала общества и развития креативных индустрий, как новых культурных форм, указываются базовые условия и требования, способствующие формированию позитивных направлений социокультурного развития и сохранению ядра российской культуры, а также происходящие негативные процессы, формирующие «ложные аттракторы» и наносящие ущерб как усвоению традиций локальной культуры, так и единому культурному пространству страны. Культурная среда как пространство диалога традиции и инновации способна интегрировать российское общество и передавать социокультурный опыт между поколениями, но при условии сохранения за культурой качества метасистемы, а не сектора социально-экономического развития и объекта креативной экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

диалог; инновации; креативные индустрии; культура; культурная среда; народное творчество; общество; промыслы; социокультурные институты; традиция.

ВВЕДЕНИЕ

В современном социально-гуманитарном знании взаимодействие институтов традиции и новации характеризуется многообразием концептуальных решений. При этом фокус внимания исследователей смещается все больше в сторону динамики традиции и инновации в культуре, задающей не просто нормы и правила человеческого общежития, но и формирующей его ценности и единство, т.е. выполняющие роль культурной безопасности. Именно внутренние ресурсы культуры принципиально меняют смысл и содержание человеческой деятельности, а значит должна обрести иное звучание и смысл культурная политика государства и его охранительная роль.

Изменения в культуре, их причины и закономерности занимают одно из центральных мест фундаментальной культурологии и рассмотрены в трудах отечественных и зарубежных ученых, так о цивилизационных изменениях говорили Н.Я. Данилевский и Л.Н. Гумилев, А. Тойнби и О. Шпенглер; о прогрессе как причине развития культуры и истории написаны работы: Б.Д. Грекова, И. Канта, А. Кондорсе, Н.И. Конрада, Э. Тайлора, Л. Уайта, А.Я. Флиера; о зависимости культурной динамики от внешней среды указывает Д. Вико, Н.Д. Кондратьев, Ю.М. Лотман, П. Сорокин, Э. Тоффлер, Ю.В. Яковец. Все эти факторы мы можем увидеть в фактически происходящей динамике культуры.

Кроме того, динамика культуры никогда не упускала из вида институты традиции и инновации, что нашло отражение в научных работах российских исследователей, изучающих как специфику региональных культур России, так и единое культурное пространство страны (Г.А. Аванесова, А.И. Арнольдов, О.Н. Астафьева, О.А. Астахов, Е.А. Дробышева, Е.А. Ерохина, Т.А. И.И. Ирхен, А.В. Костина, Е.В. Листвина, Э.С. Маркарян, Е.В. Хлыщева и другие). Закрепление важности институтов традиции и инновации в российском обществе осуществлено также в документах страны: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия государственной культурной политики до 2030 года, Концепция развития творческих (креативных) индустрий до 2030 года. В них прямо обращаются к сохранению самобытности страны и ее единству, общероссийской идентичности на основе наследия (культурного и исторического), но в них же говорится и об их развитии, при этом развитие должно отвечать национальным интересам страны как самобытного государства-цивилизации.

Отсюда следует объект нашего исследования – это институт традиции, выполняющий как фундаментальную роль в культурогенезе на микро и макродинамических уровнях, так и выступающий основой для культурной активности и появления идей для инноваций.

Предмет нашего исследования – влияние инноваций, основанных на историко-культурном наследии, на сохранение традиций и культурных кодов российского народа.

Очевидно, что в современных условиях обновление культурной среды предъявляет особые требования к развитию творческого потенциала и внедрению новых технологий в социокультурное пространство страны, сохраняя при этом историческое и культурное наследие, его смыслы и значение. Поэтому формирующийся диалог традиции и инновации несет в себе как положительный потенциал, так и отрицательные формы, затрагивающие безопасность страны.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ: ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ И ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ (ИННОВАЦИОННЫЙ) ПОДХОДЫ

Осмысление динамики культурной среды через призму старого и нового происходит не первое столетие и в современный период культурно-цивилизационного развития, характеризующийся ускоренным изменением, а порой и разрушением традиционных связей и отсутствием возможности прогнозировать будущее, выводит на первый план исследования в части динамических изменений состояний социокультурной жизни, влияющих коренным образом на ценности и принципы жизнеустройства общества, а также традицию и формы ее закрепления в культуре. На этом акцентирует внимание и «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года», где в разделе о современном состоянии российского общества отмечается, что «на фоне усиливающейся нестабильности в мире все более актуальными <...> становятся проблемы частичной утраты этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей».

Но, с одной стороны, «такие эпохи постоянно возникают в процессе исторического развития цивилизации и культуры» и в результате этого развития обязательно появляются новые формы и виды деятельности, новые средства и методы, которые обеспечивают не только трансляцию опыта, но и переход к новым формам социальной жизни (Степин, 2013, с. 102). С другой стороны, в настоящее время трансляция опыта, зафиксированная в паттернах поведения, обычаях и традициях зачастую перестает работать либо передается вне традиционных рамок национальной идентичности. Это происходит и от того, что социум как совместное существование людей утрачивает не только порядок и структуру, но и консолидацию и эффективную коммуникацию, как на уровне отдельного института, так и на уровне повседневной практики конкретного человека, и не последнее место в этом занимает цифровое пространство, обладающее собственными средствами передачи тех или иных культурных кодов (мультикультурные и мультисоциальные) и практик (Зотова, 2024, с. 30) и формирующее свои социокультурные институты. Все это подтверждает мысль, что ценностные расхождения в культуре заложены в самой природе социокультурных институтов, которые у нас функционируют (Бойков, 2005, с. 63).

Заметим, результат культурной деятельности – это всегда конструирование жизненного пространства и его изменение под влиянием внешних и/или внутренних факторов. Так, если оценивать, например, влияние экономических факторов на

культурную деятельность в стране, то придется признать, что в последние десятилетия «в контексте коммерциализации культуры ее потенциал ценностно-смыслового субстрата общественной жизни, важнейшего идентификационного основания российского населения расходовался на обоснование «экономической полезности»» (Астафьева, 2022, с. 17). Не менее серьезным становится «вопрос об индивидуальных и коллективных культурных практиках и моделях поведения, базирующихся на новой иерархии ценностей» (Астафьева, 2018, с. 6), связанных с технологическими прорывами или научно-техническими факторами, в том числе цифровизацией сферы культуры. Также требуется качественная оценка перспектив развития института креативных индустрий, создающего не просто новые формы для творческих проектов и практик, но направленного на осмысление происходящих процессов и работающего с историко-культурным наследием страны.

Поэтому смещение исследовательских интересов в настоящее время в область динамики социокультурных изменений, где «логика культуры определяет соотношение единичного и общего как соотношение личности и общества» (Смирнов, 2022, с. 26) неслучайна. Понимая закономерности адаптации культуры и общества по таким направлениям как традиционалистский и персоналистский, можно будет судить не просто о социальных формах совместной жизни людей, но и об их культурном содержании, его сохранении и развитии.

Так изначально традиционалистский и персоналистский направления представлялись в исследованиях культурной динамики в прогрессивной последовательности. Т.е. на первом этапе общественного развития социальную и культурную динамику рассматривали в целом как один объект (человечество, цивилизации, отдельные народы и их культуры), на который влияли природа, пространство с его связями и ресурсами, экономика и тип хозяйствования, социальные сообщества, ценности и смыслы, т.е. объективные процессы без ярко выраженного влияния личности или традиционалистский.

На втором этапе личность стала заявлять о себе обществу, и личностный или индивидуальный фактор стал влиять на культурные процессы, а значит и на культурную динамику. Так, по словам М.С. Кагана, превращение индивида в личность есть событие имеющее историческое значение, с этого времени человек как личность не просто осознает проблему собственного бытия, но она становится центральной в его художественном осмыслении и теоретической рефлексии (Каган, 2003, с. 266). И он же акцентирует внимание, что происходит это тогда, когда происходит «рождение человеческой личности как субъекта свободной творческой деятельности» (Каган, 2003, с. 17), что придает персоналистской культуре, основанной на реализации творческого потенциала личности инновационный динамизм. Этот процесс привел к тому, что, начиная со второй половины XIX – начала XX веков мы, с одной стороны, наблюдаем процесс превращения культуры из традиционной в инновационную деятельность (в XXI веке – это выразилось в креативных индустриях), а с другой – увеличением количества противоречий в социуме. Усугублением этого стало появление огромного количества «субъектов свободной творческой деятельности», а по мысли В. Розанова произошла подмена

творца заимствователем (Розанов, 2012, с. 11). Видимым результатом этого процесса в настоящее время стало разрушение целостности общества, переход от индивидуализма к эгоизму и гедонизму, с разрушением традиционных установок. В области традиций коллективные культурные практики и институты «подчас не соответствует морально-этическим и эстетическим идеалам, сложившимся в традиционной культуре» (Астафьева, 2025, с. 191) и оторваны от истории и жизни страны.

Естественной реакцией на утверждение общественной ценности индивидуально-конкретного бытия человека стал запрос на гармоничное соотношение общего и индивидуального (Каган, 2003, с. 266). И он возникает не как ответ на происходящее в настоящее время, он существовал всегда, т.е. традиция и персонализм (инновация) стали находиться в динамических взаимоотношениях с момента своего появления. Однако, взаимодействие этих направлений усложнилось под влиянием высокотехнологичной среды. Расширение спектра возможностей для творческой деятельности личности приводит к различным результатам в динамике культур разных стран от сохранения и развития до превращения в индустрию путем стандартизации (Хорхаймер, 1997, с. 151) и саморазрушения.

И здесь следует обратить особое внимание на традиционные социальные и культурные институты, которые образуют каркас общества и упорядочивают взаимодействия людей. Характеризуя важность социокультурных связей для человека, О.Н. Астафьева отмечает следующее: «включенность в социум усиливает процессы “самостроительства” личности, предохраняя ее от саморазрушения». Кроме того, такие регулятивные механизмы социокультурных институтов как параметры порядка культуры могут усиливать интегрирующее и мобилизующее начало в обществе. Например, национально-культурный менталитет как общий вневременной порядок при взаимодействии с культурными основаниями личности как специальными изменяемыми параметрами порядка позволяют человеку сохранить себя в неупорядоченном социокультурном пространстве и свою целостность даже в условиях нестабильности¹. Можно сказать, что именно это взаимодействие является качественной характеристикой гармоничного существования традиции и инновации, в том числе отраженной в креативных индустриях, которые не просто рожают новое, но при правильном подходе и путем сохранения культурного ядра, способствуют актуализации традиции и ее преемственности. Примером такого сочетания и ожившей традицией могут служить народные художественные промыслы, в среде которых сохраняется традиция создания какого-либо изделия и одновременно в процесс создания вплетается авторское прочтение и уникальность.

Таким образом «все объекты внешнего мира в силу их интерпретации субъектом наделяются значением и тем самым погружены в пространство культуры» (Астафьева, 2023, с. 179). Поэтому в контексте исследуемой проблемы

¹ Астафьева, О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике. *Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика»*. Получено из: <https://spkurdyumov.ru/art/konceptualnye-osnovaniya-kulturnoj-politiki/2/>

важно понимать, что человек, как создатель вещей и смыслов, как субъект и генератор новых идей, не может существовать только в человеческом мире, он непременно существует и в культурно-исторических процессах. Последние раскрываются в динамике пространства культуры и институтах (от семьи до государства), им созданных. Невозможно объяснить возникающие социокультурные трансформации без знания форм и структур социального взаимодействия и коммуникаций. Иными словами, человек и созданный им институт и социокультурная реальность «взаимно обуславливают друг друга и полемизируют между собой в своем историческом генезисе» (Пелипенко, 2012, с. 357) и «современное общество и его социокультурные институты не являются исключением, поскольку выступают своеобразными трансляторами происходящих изменений системы ценностей человека и смыслов как на индивидуальном уровне, так и коллективном» (Комарова, 2025, с. 27).

НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ

Говоря о сохранении традиций и целостности страны, как о пространстве единства социальной группы, мы понимаем, что «любая реально существующая социальная группа отличается от чисто номинального скопления индивидов тем, что ее члены находятся в процессе взаимодействия, т.е. поведение и психологическое состояние любого члена группы в значительной степени зависят от деятельности или даже самого факта существования других членов. Без этой осязаемой взаимозависимости жизни, поведения и переживаний ее членов подлинная социальная группа существовать не может. В противном случае она превращается в чисто номинальную, «статистическую» или воображаемую совокупность индивидов» (Сорокин, 2025, с. 458). Причем речь идет не только о семье, школе и университете, но и о том, что окружает человека и с чем он соприкасается на протяжении всей жизни – культурное наследие и информационное пространство, в чем непосредственно участвует – туризм и различные культурные практики (музейные, библиотечные, фестивальные), а также осваивает – от промыслов и ремесел до декоративно-прикладного искусства.

В качестве примера предлагается рассмотреть, как изменения традиционных форм репрезентации в народном творчестве отражаются на культурном наследии страны и его влиянии на общество, каким образом социально-экономические условия (как процесс взаимодействия общества с внешней средой) влияют на сохранение и развитие народного творчества и уникальный опыт историко-культурной динамики сообщества.

Так народные художественные промыслы, представляя собой одну из форм проявления традиций народного творчества народов Российской Федерации, являются неотъемлемой частью культурного наследия народов страны и ее нематериального этнокультурного достояния. Как традиционный социокультурный институт народные художественные промыслы подлежат сохранению,

возрождению и развитию на государственном уровне². Народные художественные промыслы России представлены по всей карте страны и относятся к разным видам народного искусства: керамика и лаковая миниатюра, резьба и роспись по кости, дереву, камню, вышивка и кружевоплетение, ткачество и т.п. Организационные формы народного творчества представлены как предприятиями (АО «Хохломская роспись», Объединение «Гжель», ОАО «Павловопосадская платочная мануфактура», ООО «Жостовская фабрика» и другие), так и мастером (-ами). В народных художественных промыслах отражается развитие национальной культуры, и они всегда символически насыщены. В 1919 г. «народное искусство было отнесено к явлениям духовного порядка, обозначено как национальное достояние» (Мусина, 2018, с. 105-106). Реальность сегодняшнего дня требует осознания, что народные художественные промыслы – это еще и культурный суверенитет страны, «наличие традиционных художественных промыслов означает, что в стране и народе есть своя культура» и она не зависит от инокультурных центров (Лебедев, 2025, с. 234).

Однако народный художественный промысел, несмотря на принадлежность к традиционным институтам, обладает одним из главных имманентных свойств культуры – стремление к обновлению, стремление проявить себя вне всяких форм и преемственности традиций народного искусства. Своеобразие творческого подхода к народному художественному промыслу характеризуется восприимчивостью к движениям культуры, фиксацией и осмысливанием, происходящих изменений в обществе. Не последнее место в этом процессе занимает внедрение рыночных механизмов в социокультурную деятельность, а последние несколько лет и развитие креативных (творческих) индустрий, «основанных на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность)»³. Исходя из этого, народные художественные промыслы, становясь частью креативной индустрии в развитии экономики, вместо развития традиционной культуры и уникального явления культуры и культурного наследия рискуют превратиться в объект купли-продажи (товар). Они, являясь носителем традиции и информации о своем создателе и его истории, на этапе тиражирования могут утратить свою уникальность и ценность как капитал культуры, а «мастера и художники будут ориентироваться только на спрос и собственную фантазию» (Мусина, 2018, с. 108). Кроме того, порожденные цифровым веком новые символы, паразитирующие на традиционном художественном народном промысле, но содержательно оторванные от традиции, так или иначе трансформируют сознание личности и искажают этническую и культурную идентичность. Размышляя над этой проблемой, Р. Мусина отмечает, что в настоящее время важно не только сместить акценты с коммерциализации, но и развивать традиционную культуру, так, чтобы

² О народных художественных промыслах. *Официальный сайт Президента Российской Федерации*. Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13363>

³ Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. *Правительство Российской Федерации*. Получено из: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIXBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf>

она «не становилась экзотикой и модным увлечением, а традиционные изделия – сувениром – сначала для иностранцев, а затем и соотечественников» (Мусина, 2018, с. 105). Об этом говорит и Куракина И.И. происходит «подмена понятий – когда уникальные высокохудожественные традиционные промыслы приравнивают к ремесленничеству, массовой культуре или декоративно-прикладному искусству, творчеству самодеятельному, создаваемому в отрыве от регионально-исторических традиций» (Куракина, 2025, с. 253).

Эти наблюдения за традиционными промыслами ни в коем случае не призывают превратить их в музейные экспонаты, необходимо разнообразие и развитие, и как отмечает Е.В. Хлыщева, просто возвращение к традициям в существующих реалиях невозможно, в целях обеспечения культурной безопасности необходимо достижение баланса между традиционным подходом и инновациями (Хлыщева, 2025, с. 55). Об этом говорит и исследование развития креативных индустрий в странах альянса БРИКС+, в нем авторы подчеркивают, что в настоящее время вектором развития креативных индустрий должно стать «традиционное своеобразие, нацеленность на собственные национальные цели, отвечающие интересам укрепления культурной идентичности, а не только решению экономических задач» (Астафьева, 2024, с. 266). Поэтому, чтобы внутренняя ткань культуры могла сохранять и передавать свои духовно-ментальные коды и языки в существующих социокультурных процессах необходимо регулятивные механизмы культурной политики выстраивать «посредством мягкой адаптации и корректировки с учетом мирового опыта и отечественной специфики» (Астафьева, 2005, с. 77, 83).

Иными словами, рассматривая развитие креативных индустрий в обществе как инновационный вектор необходимо понимать, что это явление связано не только с различными видами экономической деятельности (Аузан, 2022, с. 214), но и социальной и культурной, и правовой, и все они требуют осмысления. Остановимся подробнее на культурной составляющей и возможных направлениях развития креативных индустрий и их роли в сохранении традиций и культурной идентичности, применительно к народным художественным промыслам.

1. Нужно понимать, что народные художественные промыслы – это традиционное искусство, выполняющее функции воспроизводства духовности и ценностного фонда народа для формирования коллективной идентичности. Креативные индустрии – это творческое/авторское прочтение происходящих изменений/запросов в обществе путем создания нового продукта, чаще всего основанного на культурном капитале (наследии). Последнее дает нам возможность говорить о том, что продукты креативной индустрии выполняют просветительскую функцию, используя маркетинговый подход. Т.е. создавая новое на базе традиции (подражание или копирование), креативная индустрия может как отвечать на запрос общества, так и формировать его. И здесь для нас важно контролировать процесс и не допускать «подмены или деконструкции глубинных смыслов и базовых функций культуры» (Астафьева, 2022, с. 23).

2. Новое культурное пространство, которое «характеризуется появлением и стремительным развитием многообразных культурных практик, зачастую

являющихся «ответом» на «вызовы» технических, технологических изменений» (Астафьева, 2025, с. 187) может вытеснить мастеров, работающих с народными художественными промыслами на периферию, вплоть до исчезновения. Поэтому, используя потенциал креативных индустрий как ответ на индустриализацию культуры, необходимо, чтобы креативный продукт мог нести в себе не только развлекательность, массовость и экономическую эффективность, но и сохранял смысловое и символическое наполнение того культурного наследия, на основе которого он создан. Кроме того, здесь уместно использовать этико-эстетическую рамку, которая аксиологически нагружена и придаст креативному продукту уникальность, а креативной индустрии задаст высокие ориентиры и зафиксирует ее миссию (Астафьева, 2023, с. 244).

3. Целенаправленно использовать возможности креативных индустрий для решения следующих задач государственной политики в области народных художественных промыслов:

- развитие мест традиционного бытования народных художественных промыслов;
- создание условий для туристской деятельности в местах традиционного бытования народных художественных промыслов;
- создание условий для просветительской деятельности в области народных художественных промыслов и популяризации народных художественных промыслов среди населения⁴.

Т.е. «креативные индустрии позволят решить проблему проектирования зон активного культурного пространства, создания мест для отдыха и рекреации, свободного общения и интеллектуального досуга, соответствующего образу жизни современного человека творческой среды» (Astafyeva, 2017, p. 1478).

Потенциал живого диалога народных художественных промыслов и креативных индустрий, как диалог традиции и инновации, несомненно, велик, но «не вникая в содержательную и образную систему традиции» (Мусина, 2018, с. 109) и понимая народные художественные промыслы просто как форму для креативной индустрии, а креативную индустрию как часть экономики, мы лишаем свою культуру и страну самоценности ее культурного наследия в условиях растущего влияния массовой культуры. Конструктивный подход в решении этой задачи предлагает О.Н. Астафьева, обращая внимание в реализации государственной культурной политики на достижение конвенциональности конструктивной семантики и внедрение коммуникативной модели, в которой пространство для интерактивного общения открыто для всех субъектов культурной политики, включая ученых и экспертов (Астафьева, 2022, с. 36).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

⁴ О народных художественных промыслах. *Официальный сайт Президента Российской Федерации*. Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13363>

Современное Российское государство и его народная художественная культура, как часть традиции, нуждаются в новых формах развития, но создавая эти формы важно помнить, что именно культура служит основой для единства и наполняет бытие качественным и аксиологическим компонентом, который способен с одной стороны создавать суверенные культурные рамки, а с другой - поле взаимодействия с другими.

Пути использования и развития традиции, задействуя технологии креативной индустрии как новую форму развития, разнообразны. Одним из возможных вариантов сотрудничества есть включение ресурсов культуры и ее ценностей в креативные индустрии, т.е. они должны обладать не только уникальностью и экономической ценностью, но и культурной ценностью. Это послужит усилению ценностного фонда народа для формирования коллективной идентичности и привлечет внимание к традиционным промыслам и ремеслам, а также обозначит креативный продукт не только как авторский, но как принадлежащий к конкретной культуре.

Креативная индустрия, не создавая в настоящее время традицию, и включенная пока только в экономический капитал российского общества в стилевых поисках для самовыражения где-то инстинктивно, а где-то целенаправленно обращается к национальной самобытности и русской культуре и в этом смысле образует промежуточное состояние или «переходность», когда возможно не воспроизводить дезинтеграционные модели, а, наоборот, реализовать с культурой диалогическое пространство (Астафьева, 2023, с. 180). Именно в такой ситуации возникает запрос на содружество специалистов традиционных народных художественных промыслов и специалистов креативных индустрий. Кроме того, как ресурс развития экономики, в задачи которой входит социокультурное развитие, креативная индустрия способна поддерживать профессионалов, работающих над сохранением и развитием традиционной отечественной культуры.

Таким образом, чтобы сохранить динамику традиционного и уменьшить «зигзаги» креативности, необходима интеграция ценностных смыслов культуры и культурного наследия в креативные индустрии для формирования безопасной культурной среды, в которой человек сможет реализовать свою потребность в творчестве, идентичности и коллективной памяти нации и народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьева, О.Н. (2023). Гуманитарный дискурс Ю.М. Лотмана: семиотическая интерпретация динамики культуры. *Вопросы философии*, 6, 156-159. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-156-159>
- Астафьева, О.Н. (2005). Досуговые формы в "переходный период" развития культуры. *Социология власти*, 1, 71-83.
- Астафьева, О.Н. (2022). Коммуникативная модель культурной политики: конвенциональность и когерентность дискурсов и понятий. *Культурная политика: от стратегии государства - к управленческим решениям*

- организаций: Сборник статей. Материалы Научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (2020-2021 гг.). (с. 28-46). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Согласие».
- Астафьева, О.Н., Голышева, И.В. (2024). Вектор креативных индустрий в странах БРИКС+ в контексте проблем культурной идентичности. *Ярославский педагогический вестник*, 6(141), 259-269. <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2024-6-141-259>
- Астафьева, О.Н., Левицкая, А.Н. (2025). Культурные смыслы индустрии развлечений и потребительских предпочтений в молодёжной среде. *Ярославский педагогический вестник*, 3(144), 185-195. <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-185>
- Астафьева, О.Н., Малыгина, И.В. (2022). Российская культура в контексте динамики экономических стратегий. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 4(108), 15-26. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26>
- Астафьева, О.Н., Никонорова, Е.В., Шлыкова, О.В. (2018). Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития. *Обсерватория культуры*, 15(5), 516-531. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531>
- Астафьева, О.Н., Шелегина, О.Н. (2023). Социокультурное проектирование: персонифицируемое наследие в музейных практиках Сибири. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 65, 242-253.
- Аузан, А. А., Бахтигараева, А. И., Брызгалин, В. А. (2022). Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2(54), 213-220. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-12>
- Бойков, В.Э., Егоров, В.К. (2005). Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования (материалы «Круглого стола»). *Социология власти*, 3, 47-74.
- Зотова, А.С. (2024). Симулякр как часть социокультурного кода общества потребления. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 3(119), 29-36. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26>
- Каган, М.С. (2003). *Введение в историю мировой культуры. Историкографический очерк, проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа — от первобытности к Возрождению*. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Петрополис», 368 с.
- Комарова, А.В. (2025). Изменения аксиологических и этических оснований социокультурных институтов: факторы влияния. *Сфера культуры*, 2(20), 27-38. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2025_20_27

- Куракина, И.И. (2025). Потенциал традиционных художественных промыслов России в воспитании и просвещении детей, подростков и молодежи в условиях культуры XXI века. *Традиционное прикладное искусство и образование*, 3, 249-288.
- Лебедев, С.В. (2025). Культурная безопасность России и задачи профессионального образования. *Традиционное прикладное искусство и образование*, 3, 231-249.
- Мусина, Р.Р. (2018). К проблеме современного бытования традиционного искусства. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 2(12), 102-111. <https://doi.org/10.28995/20736401-2018-2-102-111>
- Пелипенко, А.А. (2012). Смыслогенетический подход к изучению культуры. В Ю.М. Резник (Ред.), *Теория культуры: разнообразие подходов и возможности интеграции* (с. 353-394). Москва: Научно-политическая книга.
- Розанов, В.В. (2012). *Народная душа и сила национальности*. Москва: Институт русской цивилизации, 992 с.
- Смирнов, А.В. (2022). *Всечеловеческое vs общечеловеческое*. Москва: ООО «Садра», 216 с.
- Сорокин, П.А. (2025). *Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истин, этики, права и общественных отношений* (пер. В.В. Сапова). Москва: Академический проект, 975 с.
- Степин, В.С. (2013). *Человеческое познание и культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП, 140 с.
- Хлыщева, Е.В. (2025). Концептуализация понятий идентичность и культурная безопасность в российской культурологии. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 5(1), 48-61. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2025.5.1.003>
- Хорхаймер, М., Адорно, Т.В. (1997). *Диалектика просвещения. Философские фрагменты* (пер. М. Кузнецова). Москва: «Ювента Медиум», 312 с.
- Astafyeva, O. N., Belyakova, I.G., Sudakova, N.E. (2017). Theoretical Studies of Mass Culture as a Self-Developing System in the Context of the Tasks of Russia's Cultural Policy. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 12(7), 1475-1481. <https://doi.org/10.12973/ejac.2017.00275a>

Для цитирования: Комарова, А.В. (2026). Соотношение традиций и инноваций в динамике социокультурных трансформаций: к проблеме культурной безопасности. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 48-62. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.004>

REFERENCES

- Astafieva, O.N. (2023). Yu. M. Lotman's Humanitarian Discourse: A Semiotic Interpretation of Cultural Dynamics. *Voprosy Filosofii*, 6, 156-159. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-6-156-159> (in Russian)

- Astafieva, O.N. (2005). Leisure Forms in the "Transitional Period" of Cultural Development. *Sociology of Power*, 1, 71-83. (in Russian)
- Astafieva, O.N. (2022). A Communicative Model of Cultural Policy: Conventionality and Coherence of Discourses and Concepts. *Cultural Policy: From State Strategy to Management Decisions of Organizations: A Collection of Articles. Proceedings of the Scientific and Methodological Seminar "Culture and Cultural Policy" at the Institute of Social and Cultural Affairs of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (2020-2021)*. (pp. 28-46). Moscow: Soglasie Publishing House, Limited Liability Company. (in Russian)
- Astafieva, O.N. & Golysheva, I.V. (2024). The Vector of Creative Industries in the BRICS+ Countries in the Context of Cultural Identity Issues. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 6(141), 259-269. <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2024-6-141-259> (in Russian)
- Astafieva, O.N. & Levitskaya, A.N. (2025). Cultural Meanings of the Entertainment Industry and Consumer Preferences Among Young People. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3(144), 185-195. <http://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-185> (in Russian)
- Astafieva, O.N. & Malygina, I.V. (2022). Russian Culture in the Context of the Dynamics of Economic Strategies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 4(108), 15-26. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26> (in Russian)
- Astafieva, O.N., Nikonorova, E.V. & Shlykova, O.V. (2018). Culture in Digital Civilization: A New Stage of Understanding the Future Strategy for Sustainable Development. *Observatory of Culture*, 15(5), 516-531. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531> (in Russian)
- Astafieva, O.N. & Shelegina, O.N. (2023). Sociocultural Design: Personalized Heritage in Museum Practices of Siberia. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 65, 242-253. (in Russian)
- Auzan, A.A., Bakhtigaraeva, A.I. & Bryzgalin, V.A. (2022). Development of Russia's Creative Economy in the Context of Modern Challenges. *Journal of the New Economic Association*, 2(54), 213-220. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-54-2-12> (in Russian)
- Boykov, V.E. & Egorov, V.K. (2005). Spiritual Culture of Contemporary Russian Society: Status and Development Trends (Proceedings of the Round Table). *Sociology of Power*, 3, 47-74. (in Russian)
- Zotova, A.S. (2024). Simulacrum as Part of the Sociocultural Code of Consumer Society. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 3(119), 29-36. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-15-26> (in Russian)
- Kagan, M.S. (2003). *Introduction to the History of World Culture. Historiographic Essay, Problems of Modern Methodology. Patterns of Cultural Genesis, Stages of Development of Traditional Culture — from Primitive Times to the Renaissance*. St. Petersburg: Petropolis Publishing House, 368 p. (in Russian)

- Komarova, A.V. (2025). Changes in the Axiological and Ethical Foundations of Sociocultural Institutions: Influencing Factors. *Sphere of Culture*, 2(20), 27-38. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2025_20_27 (in Russian)
- Kurakina, I.I. (2025). The Potential of Traditional Artistic Crafts of Russia in the Education and Enlightenment of Children, Adolescents, and Young Adults in the Context of 21st-Century Culture. *Traditional Applied Arts and Education*, 3, 249-288. (in Russian)
- Lebedev, S.V. (2025). Cultural Security of Russia and the Tasks of Professional Education. *Traditional Applied Arts and Education*, 3, 231-249. (in Russian)
- Musina, R.R. (2018). On the Problem of the Contemporary Existence of Traditional Art. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 2(12), 102-111. <https://doi.org/10.28995/20736401-2018-2-102-111> (in Russian)
- Pelipenko, A. A. (2012). A Meaning-Genetic Approach to the Study of Culture. In Yu. M. Reznik (Ed.), *The Theory of Culture: Diversity of Approaches and Possibilities of Integration* (pp. 353-394). Moscow: Nauchno-Political Book. (in Russian)
- Rozanov, V.V. (2012). *The People's Soul and the Strength of Nationality*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 992 p. (in Russian)
- Smirnov, A.V. (2022). *Pan-Human vs. Universal*. Moscow: OOO "Sadra", 216 p. (in Russian)
- Sorokin, P.A. (2025). *Social and Cultural Dynamics. A Study of Changes in Large Systems of Art, Truths, Ethics, Law, and Social Relations* (trans. V. V. Sapov). Moscow: Akademicheskii proekt, 975 p. (in Russian)
- Stepin, V.S. (2013). *Human Cognition and Culture*. St. Petersburg: SPbGUP, 140 p. (in Russian)
- Khlyshcheva, E.V. (2025). Conceptualization of the Concepts of Identity and Cultural Security in Russian Cultural Studies. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 5(1), 48-61. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2025.5.1.003> (in Russian)
- Horheimer, M. & Adorno, T.V. (1997). *Dialectics of Enlightenment. Philosophical Fragments* (trans. by M. Kuznetsov). Moscow: "Yuventa Medium", 312 p. (in Russian)
- Astafyeva, O.N., Belyakova, I.G. & Sudakova, N.E. (2017). Theoretical Studies of Mass Culture as a Self-Developing System in the Context of the Tasks of Russia's Cultural Policy. *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 12(7), 1475-1481. <https://doi.org/10.12973/ejac.2017.00275a>

For citation: Komarova, A.V. (2026). The Relationship between Tradition and Innovation in the Dynamics of Socio-Cultural Transformations: Towards the Problem of Cultural Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 48-62. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.004>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CULTURAL SECURITY: TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL BOUNDARIES IN CREATIVITY

Oleg I. Zakutnov

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Valentina L. Tikhonova

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: opera-15@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3626-8757>

ABSTRACT

This article examines the transformation of the creative professions market in the context of the expansion of generative artificial intelligence (AI), identifying clusters of professions most at risk of displacement: from the film industry and music to literature and translation. The changes are dual and contradictory. On the one hand, artificial intelligence automates routine operations; lowers the barrier to entry into the profession, allowing anyone to create images, text, or audio using neural networks; accelerates content generation and real-time editing; creates new formats, etc. On the other hand, this gives rise to serious challenges: the threat of job losses (especially at entry-level and in routine specializations); blurring the boundaries of copyright and creative uniqueness; risks of disinformation (deepfakes, unlabeled generated content); ethical contradictions (replacing live actors with virtual models, imitating the style of real artists etc.). According to the article's authors, completely replacing humans with AI in the creative sector is impossible. It must be taken into account that AI has achieved results in processing vast amounts of information data and in the combinatorics of forms, but lacks existential experience, the ability to experience sensory experiences, and the deep understanding of the results of creative activity. Therefore, replacing humans with AI is only possible if humans lack hermeneutic depth - the ability to connect a text with a unique historical moment, personal emotional experience, and ethical context. Then, the human status as creator of culture, cultural meanings, and values capable of transforming the individual's inner world and ensuring the historical continuity of the human spirit will be preserved, and, as a result, cultural security will be ensured. Therefore, AI should not replace creativity as such, but only mechanized forms of intellectual labor.

KEYWORDS

cultural security; Artificial intelligence (AI); neural network; AI program; AI actor; AI character; AI system; GPT-Author; ChatGPT; Grok; Alice AI; Midjourney; CloudBounce; LANDR; creative professions; creative professions; generative content; language models.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ В ТВОРЧЕСТВЕ

Закутнов Олег Игоревич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия

E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Тихонова Валентина Львовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия

E-mail: opera-15@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3626-8757>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется трансформация рынка креативных профессий в условиях экспансии генеративного искусственного интеллекта (ИИ), выделяются кластеры профессий, наиболее подверженных риску замещения: от сфер киноиндустрии и музыки до литературы и перевода. Изменения носят двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, искусственный интеллект автоматизирует рутинные операции; снижает порог входа в профессию, любой пользователь может создать изображение, текст или аудио с помощью нейросетей; ускоряет процессы генерации контента, редактирования в реальном времени; создаёт новые форматы и т.д. С другой стороны, это порождает серьёзные вызовы: угроза сокращения рабочих мест (особенно на начальных уровнях и в рутинных специализациях); размывание границ авторского права и творческой уникальности; риски дезинформации (дипфейки, сгенерированный контент без маркировки); этические противоречия (замена живых актёров виртуальными моделями, имитация стиля реальных артистов и т.д.). По мнению авторов статьи, полная замена человека ИИ в креативном секторе невозможна. Необходимо учитывать, что ИИ достиг результатов в обработке огромных массивов информационных данных, в комбинаторике форм, но лишен экзистенциального опыта, способности к чувственному переживанию и глубокому осмыслению результатов творческой деятельности. Поэтому замена человека ИИ возможна только в том случае, если человек не предлагает герменевтическую глубину — способность связывать текст с уникальным историческим моментом, личным эмоциональным опытом и этическим контекстом. Тогда сохранится статус человека как творца культуры, культурных смыслов и ценностей, способных преобразовать внутренний мир личности и обеспечивать историческую преемственность человеческого духа, и, как следствие, культурная безопасность. Поэтому ИИ не должен заменять творчество как таковое, а только механизированные формы интеллектуального труда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурная безопасность; искусственный интеллект (ИИ); нейросеть; ИИ- программа; ИИ-актер; ИИ-персонаж; ИИ-система; GPT-Author; ChatGPT; Grok; Алиса AI; Midjourney; CloudBounce; LANDR; творческие профессии; креативные профессии; генеративный контент; языковые модели.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 года №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их¹.

Современную эпоху, связанную со стремительным развитием искусственного интеллекта, с уверенностью можно назвать новым периодом технологической революции. Если еще менее пяти лет назад восприятия искусственного интеллекта ассоциировалось с источником забавных мемов, сгенерированных ИИ и подобных развлечений, то уже сегодня, в следствии активного внедрения ИИ, современному обществу в ближайшее время придется столкнуться с ростом сокращений специалистов в ряде профессий, особенно в креативном и интеллектуальном труде.

Об этом говорил и Президент РФ Владимир Владимирович Путин на Государственном совете 25 декабря 2025 года. В.В. Путин отметил, что мир вступает в период колоссальной технологической трансформации, сопоставимой по масштабу с космической программой, но значительно более всеобъемлющей. Владимир Владимирович подчеркнул, что ИИ превосходит по значимости даже освоение космоса и активно проникает во все сферы жизни. В.В. Путин, в частности, акцентировал внимание на следующем: «Искусственный интеллект будет не только заменять отдельные операции и профессии, но и создавать новые рабочие места, требующие инженерного мышления, умения работать с данными и брать ответственность»². При этом президент конкретизировал, что ИИ начнет постепенно заменять работников начальных ступеней, в том числе в креативном и интеллектуальном труде.

Консалтинговая компания «Технология Доверия» в 2025 году провело исследование, согласно которому 47% крупного бизнеса намерена сократить штат вследствие активного внедрения искусственного интеллекта³. К примеру, президент, председатель правления ПАО «СберБанк России» Герман Греф, сообщил о намерении уволить до 20 % сотрудников до начала 2026 года на основании оценки эффективности работы персонала Сбербанка, проведенной с помощью ИИ⁴.

Исследование Международного валютного фонда (МВФ), выполненное в 2025 году, показало, что «передовые ИИ-технологии способны затронуть около 60% рабочих мест в странах с развитой экономикой. При этом почти половина из них

¹ *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации* (2019). Указ Президента РФ №490 от 10 октября 2019 года (в редакции Указа Президента РФ от 15 февраля 2024 года №124). Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>

² Заседание Государственного совета. Получено из: <http://kremlin.ru/events/state-council/78860>

³ Худаева, Е. (2025). Почти половина крупного бизнеса допустила сокращения из-за внедрения ИИ. *Forbes*. Получено из: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/551814-pochti-polovina-krupnogo-biznesa-dopustila-sokrasenia-iz-za-vnedrenia-ii>

⁴ Белкова, Е. (2025). Сбербанк уволит до 20% сотрудников, которых ИИ признал неэффективными. *Forbes*. Получено из: <https://www.forbes.ru/finansy/550289-sberbank-uvolit-do-20-sotrudnikov-kotoryh-ii-priznal-neeftivn-ymi>

рискует быть автоматизированной, что чревато масштабными увольнениями»⁵. В связи с этим, в рамках данного исследования предпринята попытка проанализировать роль человека в креативных профессиях в условиях стремительного развития искусственного интеллекта.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ИИ В СЕКТОР ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Одной из сфер творческих специальностей, затрагиваемых ИИ, является профессия иллюстратора (иллюстратор детских книг и журналов; художник-иллюстратор (универсальный); fashion-иллюстратор; архитектурный иллюстратор; 2D-художник; иллюстратор для кино и анимации; диджитал-иллюстратор (web и соцсети); иллюстратор брендинга и айдентики (разработка визуального стиля бренда и уникальных иллюстраций для логотипов); декоративный иллюстратор и т.д. Например, если нужно нарисовать вывеску или сделать меню, любой пользователь, владеющий навыками работы с нейросетью, может сформировать соответствующий запрос в специализированных ИИ сервисах, которые могут быть как платные, так и бесплатные.

При этом экономическая целесообразность использования нейросетей обуславливается радикальным снижением издержек и минимизацией временных затрат по сравнению с привлечением профессиональных исполнителей. Ключевым преимуществом алгоритмических решений является возможность коррекции результата в режиме реального времени, что обеспечивает высокую динамику производственного процесса.

В туристическом секторе развитие систем генеративного ИИ ведет к существенному снижению востребованности услуг профессиональных переводчиков. Интеграция мультимодальных моделей (таких как ChatGPT, Grok, Алиса AI) в мобильные устройства обеспечивает возможность синхронной интерпретации речи в реальном времени. Рост эффективности ИИ-технологий позволяет прогнозировать скорое достижение полной «лингвистической прозрачности» контента. Современные возможности ИИ в сфере письменного перевода позволяют эффективно решать большую часть задач, стоящих перед переводчиком. В частности, «речь идет о пред-, интер- и постпереводческом анализе текста» (Фонова, Шитц, 2025, с. 150). В ближайшей перспективе исходный язык медиапродуктов (кинематографа, видеоматериалов, текстов) утратит свою барьерную функцию, так как процессы перевода и синтетического дубляжа будут осуществляться ИИ-ассистентами мгновенно и без потери семантической точности⁶ (Будущее дубляжа, 2025). В этой связи под риск попадают такие профессии как дублер, дублер-переводчик; переводчик рутинных текстов (например, стандартных документов, пресс-релизов, юридических или технологической документации); устные переводчики; синхронные переводчики; переводчики в специальных

⁵ Георгиева, К. (2024). ИИ изменит мировую экономику (2024). Получено из: <https://www.imf.org/ru/blogs/articles/2024/01/14/ai-will-transform-the-global-economy-lets-make-sure-it-benefits-humanity>

⁶ Вайцман, К. (2023). Будущее дубляжа: как ИИ меняет индустрию. Получено из: <https://speechify.com/ru/blog/ai-future-dubbing-industry/>

областях (юриспруденция, медицина, техника и д.т.); нотариальные и судебные переводчики) и т.д.⁷.

Следующий сектор творческих профессий, в который все активнее проникают ИИ технологии – кинематограф. Из-за полномасштабного внедрения генеративного контента абсолютно во все сферы кинопроизводства, в 2025 году американская академия кинематографических искусств и наук «Оскар» опубликовала специальный пресс-релиз, в котором объяснила, как применение искусственного интеллекта скажется на шанс получения награды 98 премии Оскар в 2026 году. Согласно новым правилам академии «использование искусственного интеллекта или других цифровых инструментов не повысит, и не понизит шансы фильма на номинацию»⁸.

Процесс создания аудиовизуального контента претерпевает радикальную трансформацию на всех этапах производственного цикла. В сфере драматургии использование больших языковых моделей (LLM) позволяет автоматизировать разработку диалоговых систем, сюжетных конструкций и полноценных сценариев. Этап превизуализации также подвергся автоматизации: традиционная ручная раскадровка замещается генерацией изображений на основе текстовых описаний (text-to-image).

Композиторы также активно используют ИИ программы. Если они не предлагали режиссеру полностью сгенерированные саунтреки, то совершенно точно использовали возможности ИИ в разработке идей или составлении аранжировок. Сегодня создано большое количество платформ-аудиогенераторов с ИИ – «Mubert, Soudraw, Boomy, Amper Music, AIVA, Ecrett Music, Amadeus Code и др.». (Григорьев, 2024, с. 141). Операторы и художники постановщики также используют ИИ программы для генерации видео высокого качества.

Особого внимания заслуживает трансформация актерской деятельности: современные технологии ИИ эволюционировали от локальной коррекции мимики и эмоциональных нюансов до создания и бесшовной интеграции цифровых персонажей, что исключает необходимость в проведении повторных съемок. Данная технологическая экспансия охватывает и смежные цеха: саунд-дизайн, световую партитуру, монтаж и даже пластический грим, делегируя функции технического исполнения искусственному интеллекту.

Таким образом, в современном голливудском кино не осталось сфер, принадлежащих исключительно живым людям. В этой связи американская академия кинематографических искусств и наук «Оскар» задумалась о том, правильно ли будет вручать премию за нейросетевую генерацию.

В сфере киноиндустрии есть угроза и для самой значимой профессии - киноактера. В сентябре 2025 года генеральный директор Particle6 Элин Ван дер Вельден заявила о создании студии ИИ-талантов Xicoia. Компания будет заниматься

⁷ Кулясов, А. (2025). AI-дубляж 2025: как технология меняет рынок локализации видео. *Speeek*. Получено из: <https://speeek.io/blog/ai-dubbing-2025>

⁸ Kholam, A. (2025). Oscars 2026 rules confirm AI-assisted films can win top awards (2025). *Interesting engineering*. Получено из: <https://interestingengineering.com/entertainment/oscars-allow-generative-ai-in-film>

созданием звезд (ИИ-актеров) для использования их в разных областях: от кино и телепроизводства до подкастов, кампаний для брендов и TikTok. Если обычные ИИ-персонажи ограничены базовыми функциями, то персонажи Xisoiа представляют собой сложные виртуальные сущности со своей историей, неповторимым голосом, развивающейся сюжетной аркой и многогранным характером. Такие герои умеют импровизировать в диалогах, декламировать тексты, исполнять монологи, оперативно реагировать на события в режиме реального времени и адаптироваться под любую аудиторию⁹.

В рамках Международного кинофестиваля в Цюрихе в 2025 году общественности был представлен первый ИИ-персонаж Тилли Норвуд. И хотя владелица компании Xisoiа Элин Ван дер Вельден заявила, что «Она — не создание для замещения человека, а креативная работа — произведение искусства...»¹⁰. Тем не менее, ряд агентств планируют подписать с Тилли Норвуд контракты, о чем сообщает журнал *Variety*¹¹. Также Элин Ван дер Вельден в интервью *Broadcast International* отметила следующее: «Мы хотим, чтобы Тилли стала следующей Скарлетт Йоханссон или Натали Портман, это наша основная задача»¹².

Данное сравнение ИИ-модели с известными актерами возмутило ряд журналистов и обозревателей. Например, одна из журналисток написала следующее: «Портман и Йоханссон — одаренные артисты, которые потратили годы, доказывая, что они - нечто большее, чем Норвуд»¹³. Более эмоционально отреагировали известные актеры. Их особенно возмутило слова о том, что ряд агентств уже рассматривают возможность подписать контракт с Норвуд. Об этом написала в соцсетях мексиканская актриса Мелиса Баррера, а актриса Кирси Клемондс потребовала огласить публично агентов, которые заинтересованы в сотрудничестве с Тилли Норвуд¹⁴.

После поднявшегося скандала, создательница ИИ-модели Элин Ван дер Велден опубликовала пост в соцсетях: «Тилли Норвуд не замена людям, но творческий проект, произведение искусства. Как и многие формы искусства до нее, она провоцирует обсуждение, что демонстрирует силу творчества. Я вижу в ИИ не замену людям, а новый инструмент, новую кисть. Как и анимация, кукловодство или компьютерные эффекты открывали новые возможности, не отбирая ничего у живой актерской игры, ИИ предлагает новый способ придумывать и реализовывать истории»¹⁵.

⁹ Первая актриса, созданная ИИ, подпишет контракт с агентством. *Marie claire*. Получено из: <https://www.marieclaire.ru/vestnik/pervaya-aktrisa-sozdannaya-ii-podpishet-kontrakt-s-agenstvom/>

¹⁰ Там же

¹¹ Rille, J. (2025). Tilly Norwood AI not actress. *Variety*. Получено из: <https://variety.com/2025/film/columns/tilly-norwood-ai-not-actress-1236534455/>

¹² How a UK prodco is building the first AI star. Получено из: <https://www.broadcastnow.co.uk/broadcast-international/how-a-uk-prodco-is-building-the-first-ai-star/5207303.article>

¹³ Шульгин, Е. (2025). «Она — следующая Скарлетт Йоханссон». Весь Голливуд обсуждает актрису Тилли Норвуд. Но ее не существует. *Lenta.ru*. Получено из: <https://lenta.ru/news/2025/10/01/tilli-norvud/>

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же

Директор компании разработчика ИИ-актрисы Элин Ван дер Велден выразила надежду на то, что окружающие сумеют принять искусственный интеллект в мире искусства «как еще один способ самовыражения наравне с театром, кино, изобразительным искусством, музыкой и другими»¹⁶.

Еще одна область творческих профессий, в которую все более активно проникают ИИ технологии – музыкальная сфера. Свыше двухсот признанных музыкантов поддержали инициативу Artist Rights Alliance (ARA) – некоммерческой организации по защите прав артистов, и направили открытое обращение к создателям ИИ и стриминговым сервисам, выразив протест против применения технологий искусственного интеллекта в музыкальном творчестве. Среди исполнителей, подписавших данное обращение певицы Ники Минаж, Кэти Перри, Астрид, Камила Кабельо, Джулия Майклз, исполнители Стиви Уандер, Сэм Смит, Райан Теддер (One Republic) Джон Бон Джови и др.¹⁷. Музыканты считают, что разработчики и музыкальные компании, применяющие технологии ИИ, нарушают права исполнителей и снижают ценность их творческого труда. В документе особо критикуются две практики: использование музыкальных треков для обучения ИИ-моделей без разрешения правообладателей и генерация аудиофрагментов, имитирующих стиль конкретных артистов¹⁸.

Помимо самих исполнителей существует ряд профессий в музыкальной индустрии, на которых также может повлиять внедрение ИИ технологий – инженеры по обработке звука и звукорежиссеры; саунд-дизайнеры и аранжировщики; создатели музыкальных библиотек и сэмплов; специалисты по восстановлению и реставрации аудиозаписей. Уже сейчас технологии ИИ позволяют в автоматическом режиме удалять шум, заниматься сведением звуковых дорожек, выравнивать компрессию, эквалализацию и мастеринг. Ряд ИИ платформ, к примеру, CloudBounce и LANDR предоставляют возможность автоматически использовать процессы мастеринга. Все это снижает спрос на музыкальных специалистов, выполняющих данные задачи вручную (Курасов, 2019).

Влияние ИИ на музыкальный рынок носит неоднородный характер: с одной стороны, некоторые профессии рискуют сократиться или быть полностью вытесненными ИИ технологиями; с другой – ряд специальностей адаптируется к новым условиям, а на их основе могут возникнуть принципиально новые профессии.

В литературный мир также проникает ИИ. В 2024 году впервые художественное произведение, написанное ИИ, стало мировым бестселлером, изменив представление о творческом процессе. Роман «Цифровые сны», созданный ИИ-системой GPT-Author, завоевал читательскую аудиторию и спровоцировал широкие дискуссии о перспективах творчества и месте человека в процессе создания художественных произведений. Данный проект зародился в лаборатории технологической компании. Группа программистов и литературоведов поставила

¹⁶ Там же

¹⁷ Билли Айлиш, Ники Минаж и другие артисты выступили против использования ИИ в музыке. *Forbes*. Получено из: <https://www.forbes.ru/forbeslife/509574-billi-ajlis-niki-minaz-i-drugie-artisty-vystupili-protiv-ispol-zovania-ii-v-muzyke>

¹⁸ Там же

цель – проверить, насколько современные ИИ-системы способны к креативному письму. Для обучения ИИ-системы была использована обширная библиотека текстов, охватывающая творчество тысяч авторов различных эпох и жанров. Роман «Цифровые сны» погружает читателя в историю человека, который внезапно понимает, что его мир - не более чем искусно созданная симуляция, порождённая разумом сверхразвитой цивилизации искусственного интеллекта¹⁹.

Роман «Цифровые сны» стал объектом беспрецедентного читательского спроса, достигнув тираж в два миллиона копий за первые три месяца после публикации. Исключительная востребованность романа подтверждается стремительным превращением литературного успеха в медийный проект благодаря интересу Голливуда, который незамедлительно приобрел права на адаптацию контента. Глобальное признание произведения подтверждается его переводом на 47 языков и устойчивым доминированием на крупнейших книготорговых платформах Amazon, Barnes & Noble. Данные факты свидетельствуют о формировании масштабного культурного прецедента в современной индустрии книгоиздания²⁰.

В 2023 году профессор школы журналистики и коммуникации Шэнь Ян представил на молодёжном конкурсе научно-популярной фантастики новеллу «Страна воспоминаний». Конкурс проводила Ассоциация писателей-фантастов Цзянсу. В октябре на церемонии награждения работа получила второй приз - её отметили трое из шести членов жюри. Как выяснилось из отчёта, лишь один из судей был в курсе, что Шэнь использовал ИИ при написании текста. Однако ещё один член жюри, знакомый с особенностями ИИ-контента, достоверно определил, что новелла была создана с помощью нейросети²¹.

В литературно-издательскую сферу также проникает искусственный интеллект. Нейросетевые алгоритмы в процессе редактирования набранного текста позволяют идентифицировать фрагменты, требующие корректуры, что особенно актуально при обработке объёмных текстовых данных. На практике эти возможности предоставляют специализированные сервисы – такие как: «Главред», «Орфограммки» или LanguageTool «они экономят часы работы, исправляя опечатки и стилистические огрехи» (Скудра, 2025, с.174). Как следствие такие профессии как технический редактор и корректор, переводчик, иллюстратор, копирайтер и контент-менеджер и т.д., подвергаются существенным трансформациям и в ближайшем будущем, возможно, столкнулись с угрозой исчезновения.

Профессия книжного иллюстратора в настоящее время переживает глубокую трансформацию, обусловленную экспансией генеративных моделей в издательский процесс. Показательным прецедентом является издание детской книги «Alice and Sparkle» («Алиса и Искра»), созданной дизайнером Аммаром Реши (Ammar Reshi). В рамках данного проекта функции автора и иллюстратора были делегированы ИИ-системам: текстовый массив был сформирован при помощи большой языковой

¹⁹ ИИ написал книгу, которая стала бестселлером. Получено из: <https://aigolova.ru/blog/ii-napisal-knigu-kotoraia-stala-bestsellerom>

²⁰ Там же

²¹ Написанный нейросетью рассказ победил на литературном конкурсе в Китае. Получено из: <https://godliteratury.ru/articles/2023/12/21/napisannyj-nejrosetiu-rasskaz-pobedil-na-literaturnom-konkurse-v-kitae>

модели (LLM) ChatGPT, а визуальный ряд — посредством нейросети Midjourney. Коммерческий успех произведения на платформе Amazon, где оно достигло статуса бестселлера, подтверждает жизнеспособность модели полностью автоматизированного производства контента и её конкурентоспособность на современном книжном рынке»²².

Все вышеизложенное, актуализировало дискуссии о проблемах авторского права, сущности творчества и значимости человеческого участия в искусстве. Международные литературные организации приступили к разработке новых классификационных систем и стандартов для произведений, сгенерированных искусственным интеллектом. При наличии разночтений в оценках очевидно одно: грань между творчеством человека и машины всё сильнее размывается, формируя новые перспективы для развития литературы.

Бесконтрольное внедрение ИИ требует своевременного законодательного реагирования со стороны государственной власти в РФ. В действующем российском законодательстве пока отсутствует нормативная база, устанавливающая обязательное маркирование произведений и продуктов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта. Вместе с тем в Государственной Думе РФ данная инициатива неоднократно обсуждалась, а в ноябре 2025 года был представлен на рассмотрение законопроект, предусматривающий маркировку видеоматериалов, сгенерированных посредством ИИ. Законопроект №1069302-8 предлагает внести изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²³.

Его ключевое положение связано с обязательной маркировкой синтетического видеоконтента. Владельцы социальных сетей, видеохостингов и других интернет-ресурсов должны будут размещать видимое текстовое обозначение на протяжении всего времени просмотра видео, а также включать машиночитаемую метку в метаданные. Предлагается дополнить КоАП новой статьёй, которая установит штрафы за неисполнения данного закона для граждан – от 10 тыс. до 50 тыс. руб., для должностных лиц – от 100 тыс. до 200 тыс. руб., для юр.лиц – от 200 тыс. до 500 тыс. руб.²⁴.

Цель данного законопроекта - защитить пользователей от дезинформации и дипфейков, а также повысить прозрачность и достоверность информации в цифровой среде. В настоящее время законопроект прошел стадию рассмотрения; крайний срок для направления замечаний, предложений и отзывов в профильный комитет – 7 января 2026 года.

²² Как дизайнер за два дня сделал книгу с помощью нейросетей. Текст писал ChatGPT, а рисовал Midjourney. Получено из: <https://afnews.ru/kak-dizayner-za-dva-dnya-sdelal-knigu-s-pomoshchyu-neyrosetey-tekst-pisal-chatgpt-a-risoval-midjourney>

²³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части обязательной маркировки видеоматериалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта) (2025). Законопроект №1069302-8 (на рассмотрении). Получено из: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8>

²⁴ Там же

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ВНЕДРЕНИЕМ ИИ В КРЕАТИВНЫЕ ПРОФЕССИИ

В связи с активным внедрением ИИ в креативный сектор неизбежно встает вопрос о культурной безопасности. ИИ способен имитировать стили художников, музыкантов, писателей, однако за этими стилями стоят личный опыт, культурные корни, уникальное мировоззрение и исторический контекст. Комбинирование ИИ культурных паттернов не несет в себе экзистенциального и культурного багажа их авторов.

В свою очередь, ИИ, генерируя контент (фильмы, музыку, тексты, изображения), стремится к усредненным, наиболее популярным паттернам. При этом теряются самобытные личностные, региональные и национальные культурные основы. В результате, вместо разнообразия мы можем получить стандартизированный, контент, который легко потребляется, но не несет в себе неповторимого культурного кода. Это обедняет культурное поле и снижает разнообразие мирового культурного наследия. Кроме того, размывание границ авторства подрывает ценность оригинального культурного произведения как носителя определенной идентичности. В итоге, усредненный алгоритмический паттерн может привести к маргинализации и постепенному исчезновению уникальных культурных явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта запускает глубокую трансформацию креативных профессий: от кино и музыки до литературы и перевода. Изменения носят двойственный и противоречивый характер.

С одной стороны, искусственный интеллект автоматизирует рутинные операции; снижает порог входа в профессию: любой пользователь может создать изображение, текст или аудио с помощью нейросетей и т.д. С другой стороны, это порождает серьёзные вызовы: угроза сокращения рабочих мест (особенно на начальных уровнях и в рутинных специализациях); размывание границ авторского права и творческой уникальности; риски дезинформации (дипфейки, сгенерированный контент без маркировки и т.д.); этические противоречия (замена живых актёров виртуальными моделями, имитация стиля реальных артистов и т.д.).

Нужно учитывать, что ИИ достиг результатов в обработке огромных массивов информационных данных, в комбинаторике форм, но лишен экзистенциального опыта, способности к чувственному переживанию и глубокому осмыслению результатов творческой деятельности. Поэтому замена человека ИИ возможна только в том случае, если человек не предлагает герменевтическую глубину — способность связывать текст с уникальным историческим моментом, личным эмоциональным опытом и этическим контекстом. Тогда сохранится статус человека как творца культуры, культурных смыслов и событий, способных преобразовать внутренний мир личности и обеспечивать историческую преемственность человеческого духа.

Кроме того, широкое внедрение ИИ во всех сферах жизни общества ограничивается в связи с тем, что даже самые продвинутые системы требуют человеческого контроля, интерпретации и креативного замысла. Однако доля автоматизированных задач стремительно растёт. Профессии эволюционируют, а не исчезают. На смену традиционным специализациям приходят гибридные роли: промт-инженер, куратор ИИ-контента, специалист по верификации синтетического медиа.

Эти вызовы представляют прямую угрозу культурной безопасности. Массовая генерация стандартизированного контента, создаваемого при помощи ИИ, может привести к унификации художественных форм и размыванию национальных культурных кодов.

Потеря авторской идентичности и ценности оригинальных произведений, заменяемых алгоритмическими имитациями, подрывает основы культурной преемственности, делая её уязвимой для стандартизированных глобальных трендов, что в конечном итоге ведет к обеднению культурного многообразия и снижению критического восприятия у потребителей.

На данный момент, законодательная база в РФ отстаёт от развития технологий. В России только начинаются попытки регулирования (например, законопроект о маркировке ИИ-видео), но системная правовая база в данной сфере пока отсутствует.

Экспертное сообщество также расколото в оценках. Часть экспертов видит в ИИ инструмент расширения творческих возможностей, другие - угрозу профессиональным сообществам и культурным ценностям.

В целом, государству необходимо ускорить разработку нормативно-правовой базы, регулирующей использование ИИ в креативных индустриях (авторское право, маркировка, ответственность и т.д.). Необходимо внедрить в стратегию образования меры по переквалификации работников в связи с развитием ИИ, обеспечить обучение навыкам работы с ИИ, анализу данных, критическому мышлению и оценке результатов работы ИИ. Для творческих профессий необходимо внедрять этические стандарты использования ИИ, обеспечивать прозрачность происхождения контента, создавать механизмы защиты прав авторов.

Таким образом, современная эпоха ИИ, которую с уверенностью можно назвать новым периодом технологической революции, ставит перед обществом фундаментальный вопрос: как сохранить человеческую уникальность в творчестве, используя технологии не как ее замену, а как инструмент созидания. Ответ на него определит будущее не только отдельных профессий, но и культуры в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Григорьев, В.Е. (2024). Способы взаимодействия композитора с искусственным интеллектом и проблема авторства сгенерированного нейросетью

произведения. *Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой*, 2(91), 137-152.

Курасов, А.С. (2019). Автоматизация и микширование: использование искусственного интеллекта в звукорежиссуре. *Актуальные исследования*, 2(2). Получено из: <https://apni.ru/article/9024-avtomatizatsiya-mikshirovaniya-ispolzovanie>

Скудра, А.О. (2025). Цифровой соавтор: нейросети в издательстве от идеи до обложки. *Новые ориентиры редакционно-издательской и научной деятельности в образовательных и научных организациях МВД России. Санкт-Петербург, 27 июня 2025 года* (с. 171-179). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.

Фонова, Е.Г., Шитц, О.А. (2025). К вопросу о профессиональных компетенциях переводчиков в эпоху искусственного интеллекта. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 1(237), 148-156.

Для цитирования: Закутнов, О.И., Тихонова, В.Л. (2026). Искусственный интеллект и культурная безопасность: трансформация профессиональных границ в творчестве. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 63-74. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.005>

REFERENCES

Grigoriev, V.E. (2024). Methods of Interaction between a Composer and Artificial Intelligence and the Problem of Authorship of a Work Generated by a Neural Network. *Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet*, 2(91), 137-152. (in Russian)

Kurasov, A.S. (2019). Automation and Mixing: Using Artificial Intelligence in Sound Engineering. *Current Research*, 2(2). Retrieved from: <https://apni.ru/article/9024-avtomatizatsiya-mikshirovaniya-ispolzovanie> (in Russian)

Skudra, A.O. (2025). Digital Co-author: Neural Networks in Publishing from Concept to Cover. *New Guidelines for Editorial, Publishing, and Scientific Activities in Educational and Scientific Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg, June 27, 2025* (pp. 171-179). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian)

Fonova, E.G., Shits, O.A. (2025). On the issue of professional competencies of translators in the era of artificial intelligence. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1(237), 148-156. (in Russian)

For citation: Khlyshcheva, E.V. (2026). Cultural Industries as a Creative Phenomenon in the Space of Cultural Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 63-74. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.005>

AMBIVALENCE OF IRANIAN CULTURAL IDENTITY AND ITS INTERPRETATION IN ACADEMIC DISCOURSE

Anna P. Romanova

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8537-4893>

E-mail: aromanova_mail@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to an analysis of both domestic and foreign scholarly discourse concerning the specific features of the formation of Iranian identity. In order to trace the evolution of this process, the sources selected are predominantly from the last three decades, when the possibility of a more or less objective analysis emerged, along with a temporal distance that made it possible to identify certain stages of its transformation. It was precisely during this period that its main distinctive characteristics not only took shape but were also conceptually articulated.

The basic methodology of the study is comparative analysis and a structural–system approach. The principal characteristic of Iranian identity, due to a number of historical and geographical reasons, is its ambivalence, which consists primarily in the fact that it rests on two major, foundational structural components — *iraniyat* and *islamiyat* — as well as several smaller ones. *Iraniyat*, as the more ancient component, is grounded in ancient Persian roots, history, culture, and a “portrait gallery” of historical and mythological cultural heroes who constitute the pride of the contemporary Iranian. At the same time, each epoch puts forward its own leaders in this “avenue of heroes”.

Islamiyat, which at present is indisputably the dominant component of Iranian identity, reinforces its ambivalent features because, while being Islamic *a priori*, it is nevertheless Shi‘ite — an alternative branch of Islam not accepted by the Sunni majority. It is within the framework of *islamiyat* that such traits of Iranian identity as self-sacrifice, martyrdom, and the notion of the particular significance of suffering are formed.

The Western component of identity, which emerged during the reign of the Pahlavi dynasty (Reza Shah Pahlavi), in connection with a reorientation toward everything European and American — from lifestyle to mentality — eventually provoked the rejection of the majority of the population, the emergence of specific pejorative terminology, and to a certain extent became a catalyst for the Islamic Revolution of 1979. According to Iranian researchers, it was precisely then that Iranians consolidated into a nation and, accordingly, Iranian identity took definitive shape.

KEYWORDS

Iranian cultural identity; ambivalence; iraniyat; islamiyat; Aryan concept; gharbzadegi.

ACKNOWLEDGMENT

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301-II "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security".

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИРАНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Романова Анна Петровна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8537-4893>

E-mail: aromanova_mail@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу научного дискурса (как отечественного, так и зарубежного), посвящённого специфике формирования иранской идентичности. Для того, чтобы проследить эволюцию процесса, были выбраны источники преимущественно последнего тридцатилетия, когда появилась возможность более-менее объективного анализа и временная дистанция, позволившая выявить определенные этапы ее трансформации. Именно в этот период не только завершился процесс формирования, но и осмысления ее основных специфических характеристик. Базовая методология исследования – сравнительный и структурно-системный анализ. Основной характеристикой иранской идентичности, в силу целого ряда историко-географических причин, является ее амбивалентность, состоящая прежде всего в том, что она основана на двух крупных, базовых структурных компонентах: иранийат и исламийат и сопутствующих, вторичных. Иранийат, как более древняя составляющая, основана на древнеперсидских корнях, истории, культуре и портретной галерее исторических и мифологических культурных героев, которые составляют гордость современного иранца. Однако каждая эпоха выдвигает своих лидеров аллеи героев.

Исламийат, на данный момент являющаяся бесспорно доминирующей составляющей иранской идентичности, усиливает амбивалентные характеристики, поскольку, будучи исламской априори, тем не менее является шиитской, альтернативной ветвью ислама, не воспринимаемой суннитским большинством. Именно в рамках исламийат рождаются такие черты иранской идентичности как жертвенность, мученичество, идея особой значимости страдания.

Западная составляющая идентичности, появившаяся в период правления династии Реза Пехлеви, в связи с переориентацией на все европейское и американское – от образа жизни до менталитета, вызвала в конце концов отторжение большинства населения, появления особой пейоративной терминологии, и стала в определенной степени катализатором исламской революции 1979 г. По мнению иранских исследователей, именно тогда произошло сплочение иранцев в нацию и, соответственно, оформление иранской идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

иранская культурная идентичность; амбивалентность; иранийат; исламийат; арийская концепция; гарбзадехи.

БЛАГОДРАНОСТЬ

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00301-П «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние идентичности – это всегда результат соприкосновения, переплетения, пересечения различных слоев культуры и ее восприятия внутренними и внешними акторами. Это квинтэссенция наслоений памяти о разных исторических периодах той или иной страны или цивилизации, народов, прошедших сквозь нее, упакованная в «прокрустово ложе» задач и характеристик, необходимых для конструирования современных форм национальной и культурной идентичности. Идентичность – сложная, комплексная, многослойная категория, позволяющая соотнести, идентифицировать нацию, этнос, народ, соседскую общину, конкретную личность и т.д. с определенным набором характеристик и *vice versa*. Культурная идентичность – это один из аспектов национальной идентичности, ее составляющая, причем с нашей точки зрения, базовая. Исследователи наряду с ее сложностью и многосоставностью подчеркивают и константность ее основания, связанную с самосохранением культуры (Матузкова, 2014). В силу своей амбивалентности: изменчивости и постоянства, монолитности и многослойности, зависимости от разных факторов в разные эпохи и, одновременно, наличия устойчивого культурного ядра, опирающегося на разницу между ожиданиями акторов-носителей и акторов-конструкторов, понятие идентичности рассматривается исследователями как относительное (Норф, 1998). Важно отметить, что концепция культурной идентичности включает в себя не только внутреннюю позицию, соотнесение представлений носителей этой идентичности с важнейшими элементами данной культурной группы: традициями, обычаями, верованиями и т.д., осознание принадлежности к ней, но и признание внешних наблюдателей наличия таких культуурообразующих элементов у данной культуры, соотнесение данной группы с определенным культурным контекстом. В данной статье мы попытаемся проанализировать эту рефлексию как со стороны самих иранцев, так и со стороны ее внешних исследователей (западных и российских).

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИРАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фактор *амбивалентности*, противоречивости¹ в той или иной степени проявляется в культурной идентичности любого народа, но, пожалуй, наиболее сложно и одновременно, рельефно, отражается в иранской, поскольку именно Иран, относясь к одной из древнейших страниц истории человеческой цивилизации, и претерпел кардинальные изменения от великой Персидской империи, через арабские завоевания к периоду ориентации на Запад в правление династии Пехлеви (1925-1979), и до исламской республики Иран (с 1979). В силу этого, иранская идентичность обладает сложной (Павлов, 2014), изначально противоречивой структурой, вызывающей массу вопросов, не имеющих однозначного ответа. Собственно, древность и извилистость иранской истории является важным фактором в формировании современной иранской культурной идентичности.

¹ Этот термин возник в области психологии и первоначально использовался именно там.

Иранские исследователи определяют национальную идентичность как коллективные представления, вытекающие из исторического и культурного прошлого народа, ... «по которым мир знает о нем» (Goudarzi, 2005, p. 120). И именно история и культура являются платформой для обретения себя и оформления контактов с внешним миром.

В отличие от культурных идентичностей других прикаспийских мусульманских стран (туркменской, казахстанской, азербайджанской),² которые конструируются как новые национальные идентичности после распада СССР и прежде всего для упрочения собственного суверенитета, национальная и культурная идентичность Ирана (*хувийят-е мелли*) имеет сложную, исторически формирующуюся конструкцию, каждый сегмент которой возник в свое историческое время, претерпел определенные изменения, подвергся внутренним и внешним трансформациям, но продолжает существовать и определять современную национальную и культурную идентичность в целом и, одновременно вызывает научные и политические дискуссии. При всей, казалось бы, очевидности и достаточной изученности национальной истории, культурная и национальная идентичность Ирана вызывает больше вопросов, чем ответов. Ее можно рассматривать и как сложившийся, или как все еще формирующийся социальный феномен, где количество и уровень влияния или доминирования тех или иных компонентов оценивается по-разному в научном дискурсе западных, российских и иранских исследователей. Дискуссии сосредоточены вокруг нескольких краеугольных проблем: какова структура культурной идентичности и какие составляющие являются наиболее значимыми; структура формируется в процессе всей истории Ирана или это такой же современный конструкт, как и идентичности их соседей по Каспию; не является ли иранская культурная идентичность неким идеологическим конструктом, формирующимся только в процессе создания современного научного и идеологического дискурса.

Изначально, иранская идентичность формировалась исходя из оппозиции «Мы и враждебные Они»³, внутри которой изначально заложена бинарность Свой-Чужой, являющая основой амбивалентности процесса (Романова и др., 2013). Надо заметить, что любая идентичность формируется на противопоставлении себя с окружающими этносами и культурами, отличается только характер выраженности и восприятия инаковости.

В данном случае «Мы» – это древняя сакральная культура Ирана, противостоящая враждебной профанной культуре окружения, которая, с позиции иранцев всегда уступала иранской сакральности. Иранская идентичность и культура периодически вступали в разные формы противостояния с внешним окружением. После упадка империи иранская идентичность противостояла арабской, более примитивной с их точки зрения по уровню, но пытающейся ее поглотить. Арабы,

² Процессы конструирования новых идентичностей постсоветского Прикаспия мы рассматривали в процессе работы над первой частью проекта РНФ с 2022 по 2024 г.

³ Какие идеи и исторические обстоятельства сформировали внешнеполитическую самоидентификацию Ирана. Получено из: <https://news.rambler.ru/middleeast/42051552-kakie-idei-i-istoricheskie-obstoyatelstva-sformirovali-vneshnepoliticheskuyu-samoidentifikatsiyu-irana>

кстати, в свою очередь считали иранскую культуру более примитивной. После принятия ислама во время арабского завоевания в VII в., позднее, при Сефевидах в 1501 г., шиизм становится доминирующей, а периодами и государственной религией Ирана, несмотря на противостояние суннизму и гонимость в исламе (Мирский, 2008). Во время правления династии Пехлеви (1925-1979 гг.) мусульманская идентичность находилась в противостоянии со светской западной идентичностью, продвигаемой шахиншахами (шаханшахами). Однако западная идентичность подкреплялась древнеперсидской, арийской и тем самым проводилась параллель между арийскими корнями Европы и Ирана. Практически все элементы, тенденции, характеризующие иранскую идентичность, по сути своей, находятся во взаимном противостоянии – западный, светский и мусульманский, арийский иранский и исламский, мусульманский и шиитский.

Ссылки на амбивалентность иранской идентичности, в разных конфигурациях мы находим в научном дискурсе Запада, России и Ирана, где подчеркивается, что она (амбивалентность) основана на древнеиранской истории и мифологии, которая «совершенно парадоксальным образом прославляет в одно и то же время безудержную отвагу и покорность судьбе, меланхолию и надежду, скромность и роскошь. Данное состояние духа продолжает существовать уже две тысячи лет, если не больше. Оно существует будто бы трансцендентно по отношению ко всем и всяким различиям, верованиям, принадлежностям. На него не смогли оказать ни малейшего влияния ни кампания Александра Македонского, ни войны, которые Персия вела с Римом и Византией, ни арабское вторжение, ни завоевания монголов и Османов...» (Ravai, 2018, p. 60).

Амбивалентность иранской идентичности проявляется не только в мироосмыслении, но и в повседневной жизни: «Иранец любит пышность, внешний блеск, роскошные ткани, но его не смущает, когда он живёт скудно, просто, он может быть богатым и обитать в глинобитном доме, похожем на дом бедняка. Он славит монарха, окружает его особу настоящим культом, но ничуть к нему не привязан и, не моргнув глазом, свергает его или позволяет свергнуть, поддерживая другого. Он как будто отрекается от всего, что было для него самым дорогим, и, может быть, это лучше всего и выражает его дух. Он без особых колебаний переходит из маздеизма в ислам, но хранит в сердце немеркнущую память о доисламских героях и неустанно их воспевают» (Ру, 2012, с. 7).

ИРАНИЙАТ И ИСЛАМИЙАТ

Амбивалентность иранской идентичности во многом обуславливается наличием в ней двух базовых компонентов, обозначаемых в иранском дискурсе как «иранийат» (иранскость) и «исламийат» (исламскость/исламистскость), и рассматриваемых как противостоящие идеологемы, конкурирующие, а иногда и как взаимодополняющие концепции (Holliday, 2011). *Иранийат* («*iraniyat*») в переводе с персидского означает «быть иранцем», что, собственно, представляет сущность, квинтэссенцию иранской национальной идентичности. «Когда мы называем себя

“персиянами” или “иранцами”, что за уникальные “персидские” или “иранские” качества имеем мы в виду, и насколько сильны в нас исламская и/или иранская составляющие? Какие обычаи, верования, привычки и символы дошли до нас с древности, и в каком смысле мы изменились?» (Davaran, 2010, p. 11).

Иранийат представляет собой сложный компонент, практически идентитарный комплекс, завязанный на истории одного из древнейших государственных образований мира. По мнению некоторых исследователей (Комлева, 2016) Древняя Персия, предшествовавшая современному Ирану, еще 2500 лет назад в VI-V вв. до н.э., имела статус «сверхдержавы», которая простиралась от Нила до Инда, включив в себя территории, на которых когда-то процветали более ранние могущественные государства с высоким уровнем цивилизации-хетты, египтяне, ассирийцы и т.д.

Внимание к этому историческому пласту культурной идентичности то уходило в тень во время арабских завоеваний, то усиливалось, как например в правление Мохаммеда Реза Пехлеви, когда был отпразднован самый дорогой в мире 2,5 тысячелетний юбилей основания персидской империи (державы Ахеменидов) (1971)⁴, или во время президентства М. Ахмадинежада, когда возникли тенденции празднования Новруза в межрегиональном масштабе, участились обращения к культурному наследию, в том числе литературному (Каменевва, 2024), что однако кардинально не изменило уровень доминирования исламийат на тот момент, поскольку встречало сопротивление иранского духовенства. И тем не менее, даже в учебниках ИРИ «мы находим ссылки на существование и славные достижения иранской нации как в античности, так и после арабского завоевания» (Ram, 2000, p. 78).

В основе всего культурного комплекса иранийат лежит религиозный фактор, связанный с доисламскими верованиями – маздеизмом, зороастризмом, манихейством. В доисламскую эпоху быть иранцем означало быть зороастрийцем. Будучи государственной религией Персидских империй с VI века до н.э. по VII век н.э., зороастризм распространился на огромной территории Ближнего и Среднего Востока. Территории Большого Ирана были закреплены еще в Авесте, что по мнению М. Бойс сакрализует иранскую идентичность (Бойс, 1987). Амбивалентность здесь проявляется, как борьба добра со злом, как наличие двух противоположных сакральных сил, возникших задолго до христианства и ислама – Ахурамазды и Анхроманью. Несмотря на доминирование ислама в его шиитском варианте, даже в современную эпоху символика зороастризма, ассоциируемая с древним Ираном, остается поводом для гордости и интереса иранской молодежи. Атрибутика зороастризма, в частности Фравахар⁵, воспроизводится в сувенирной продукции и ювелирных изделиях, чему автор статьи была свидетелем во время пребывания в Иране. Причем кулоны с Фравахаром носят не только зороастрийцы,

⁴ День в Истории. Как иранская монархия отпраздновала свое 2500-летие. Получено из: <https://foto-history.livejournal.com/20699015.html> ; Как одна роскошная вечеринка иранского шаха лишила династию Пехлеви власти. Получено из: <https://kulturologia.ru/blogs/250625/64542/>

⁵ главный символ зороастризма, изображающий Фраваши (благый дух, принадлежащий каждой частице мироздания). Изначально представлял собой «окрылённое солнце» (символ власти и божественного происхождения), к которому позже был добавлен человеческий образ.

но и мусульмане, как бы подчеркивая древность Иранийат. Собственно, и празднование Новруза является так же зороастрийской традицией. В эпоху Реза – шаха Пехлеви интерес к зороастризму граничил с модой, постепенно получивший международный статус. В 1960 году в Тегеране состоялся первый всемирный зороастрийский конгресс, плавно после падения режима переместившийся в США (Шуберт, 2021).

Собственно, об идентификации иранской идентичности через исторический контент упоминается в постисламской (после VIII в.) как арабской, так и иранской литературе, причем историю рассматривают не как цепочку деяний великих личностей, а как процесс развертывания иранской идентичности, как единое целое во времени, пространстве и перспективе. Иранские исследователи убедительно показывают, что в исторических текстах как иранских авторов, так и внешних, античных, Иран существует как самостоятельная территория, а иранцы как национальная группа, проживающая на этой территории (Ahmadi, 2024), что является важным моментом самоопределения нации и ее идентичности.

В постисламском дискурсе существует два подхода к иранийат: во-первых, как к продукту иранской истории как части всемирной, и во-вторых, как самостоятельной ветви истории, но связывающей идентичность иранцев с мусульманскими нарративами. Этим, во многом и обусловлена дискуссия, чем, собственно, является иранийат – древним пластом идентичности, оставшейся в культурном коде и коллективной памяти иранцев, или это искусственно сформированный и сформулированный конструкт времен династии Пехлеви и более поздних современных социально-политических тенденций, и он носит скорее умозрительный и националистический характер.

И для правильного определения позиции, важным моментом является факт наличия признанного персидского государства, упоминавшегося в античных и иранских, а так же арабских произведениях, где самым важным моментом является самоосознание, самоидентификация иранцами себя как персов, иранцев, что «определяет Иран как отдельное образование, обладающее собственным нарративом истории, культуры, цивилизации и политики, отличающееся от неиранских аналогов» (Ahmadi, 2024). Таким образом, начало идентификации себя иранцами как отдельной самостоятельной нации уходит в далекое прошлое. «Четкая концепция персидской идентичности пронизывает традиционную историю – концепция, которая, возможно, возникла в период Ахеменидов, но была определенно принята Сасанидами, которые, называя себя "царями Ирана, а не самими иранцами", четко отличали свою нацию от других» (Багаев, 2024). Однако некоторые исследователи считают ее всего лишь поздним конструктом, националистическим проектом, определенной политической концепцией эпохи Пехлеви ассимиляторской направленности как попытки сформировать этнонациональную однородность (Жигалина, 1996, с. 99), единое языковое культурное пространство страны (Алиев, 2004).

Но в любом из вариантов, иранийат рассматривается как проект, наглядно демонстрирующий одновременно устойчивость и способность к трансформации иранской идентичности на протяжении определенного отрезка времени – длинного исторического прошлого или мимолетного современного.

Ираниат как идентитарная конструкция так же подвергается внутренней структуризации (Litvak, 2017). Некоторые исследователи разделяют ее на «великоперсидскую», «арийскую» националистическую, к которой добавляется исламская составляющая (Звягельская (ред.), 2024, с. 94). Именно конструирование арийской идентичности и в древности, и на современном этапе представляет собой квинтэссенцию противопоставления себя чужому, даже слово «арий» (*airya- авест.*) в древнеперсидском языке имело значение «свой», «отличный от чужого» (чужой характеризовался словом «ан-арий»), а также еще одну коннотацию — «благородный» (Бенвенист, 1995, с. 240-242). Этот термин подчеркивает значимость данной социальной общности и ее идентичности как в древности, так и на современном этапе. Ариями именуется великого Дария и самого Ахура-Мазду надпись на Бехистунской скале. Однако очень много исследований посвящено арийству не как древнейшей идентичности, а как идеологическому концепту, декларирующему избранность. Поэтому, как нам кажется, арийский аспект иранской идентичности должен рассматриваться как самостоятельный кейс с собственным дискурсом (Шнирельман, 2011, Николаева, 2015, Овчинников, 2017, Дмитриев, 2020, Morris, 2005, Масов, 2006, Кирчанов, 2020, Чайлд, 2020), требующим тщательного анализа, дабы избежать идеологической предзаданности.

Исследователи иранской идентичности как еще одну специфическую особенность выделяли интровертированность, закрытость иранской культуры и соответственно, идентичности. Во многом это определено поворотами иранской истории, «но многие народы, у которых их было не меньше, не стали столь убежденными и радикальными интровертами, как иранцы. Значит, дело в чём-то ещё, в самой **иранской идентичности**, которая является закрытой и не склонной к диалогу в своём ядре⁶.

Возможно, именно такая закрытость во многом стала основанием устойчивого наличия именно персидской составляющей идентичности, поскольку эта страна и этот народ никогда не исчезали с лица земли и мировой истории. «Каждое нашествие выявляло их способность к сопротивлению, стойкую приверженность их идентичности, заставляло их возрождаться, конечно, в ином виде, но с сохранением определенных позиций, образа жизни, выражения чувств и, что, возможно, самое важное — образа мысли» (Ру, 2012).

Исламская составляющая иранской идентичности **исламиат (islamiyat)**, является, на первый взгляд, более фундаментальной и в силу этого менее дискуссионной, но, тем не менее и она добавляет иранской идентичности амбивалентности, особенности и непохожести – поскольку в ней выделяются два фактора – исламский и шиитский. «Для идеологического обособления от соседей новые правители Ирана сделали государственной религией шиизм

⁶ Дугин, А. (2025). Иранская цивилизация: пути исследования. Получено из: <https://dzen.ru/a/Z3ZnE7hX2nhGasOm>

двенадцатиимамного толка, тем самым внеся новое дополнение к иранскому самовосприятию. С XVI в. Иран уже был не просто культурной и социально-экономической общностью народов, противопоставленной внешнему и недружелюбному миру, но ещё и иной религиозной сущностью – оплотом шиитского мира, противостоящего миру суннитскому и, в то же время, объединённой с этим суннитским миром единым религиозным началом – исламом» (Кожанов, Богачёва, 2020). Таким образом переход к шиизму придал специфику иранской идентичности, ее исламской составляющей в силу того, что, будучи мусульманами, для большинства мусульман-суннитов иранцы стали Чужими. Несмотря на то, что Иран не был единственным шиитским государством (Ирак, Бахрейн, Азербайджан), именно для Ирана шиизм превращается в своеобразный маркер идентичности.

Современные иранские теологи считают религиозную исламскую идентичность основой иранской идентичности. Для аятоллы Муртаза Мутаххари (1920-1979) именно религиозный фактор исповедания ислама является главным моментом формирования идентичности, все остальные – культура, язык, история – второстепенные (Мутаххари, [1372] 1993). Для аятоллы Хомейни: «единственным монархом является только Аллах, и Он не нуждается в партнерстве» (Хомейни, 1993, с. 21). Только с момента принятия ислама в его шиитском варианте можно говорить о формировании иранской идентичности как исламской.

Начиная с XVI в. с династии Сефевидов Иран был принудительно превращен из суннитского в шиитский и шиизм стал религией иранского большинства (Abisaab, 2004). Дванадцатнический шиизм, имея с суннизмом общую основу, тем не менее имеет такие отличия, которые и позволяют предположить, что именно они подпитывают амбивалентную основу иранской идентичности. В частности, наиболее яркими маркерами такой амбивалентности является сам дванадцатнический подход к исламским основам. Для шиитов признание двенадцати имамов, потомков Али формирует и канон священных книг, и свой подход к Сунне. Особую роль играет идея мессиянства и скрытого двенадцатого имама, возвращения которого, как мессии, ждут шииты.

По мнению некоторых исследователей специфика иранской идентичности коренится в религиозно-философской, скорее даже не традиционной, а мистической основе шиизма. В структуре философско-теологической иранской мысли лежит внутреннее противоречие между алимом (ученым), опирающимся на рациональную основу, знание, закон и порядок, и арифом – мистиком, постигающим истину через слияние с сакральным. Значение арифа в шиизме велико, так же как значение фигуры имама. Шиизм по сравнению с суннизмом – это то место, где имам есть (Echghi, 1992).

Важным моментом шиитской компоненты иранской идентичности является идея страдания в преддверии возвращения скрытого двенадцатого имама Махди, которая, по мнению российских исследователей выражается в фатальной, экзистенциальной обречённости Ирана на страдания, на вечное поражение от

врагов. Эти враги, будь то мудрые жители Запада или бесстрашные жители Востока, связаны со злыми силами Аримана и постоянно строят козни против Ирана (Багаев, 2024). Отсюда и присущая Ирану идея жертвенности и мученичества, коренящаяся в шиизме, в феномене мученичества Имама Хуссейна и комеморативных практиках, которые в плане политики памяти осуществляют поддержание этой идеи посредством ритуалов Ашуры, в том числе и театрализованного действия, а в более раннюю эпоху в процессии самобичевания- шахсей-вахсей, которая сейчас проводится предпочтительно без кровопролития.

Отдельно можно выделить возникшие преимущественно в XX веке в эпоху шахского правления элементы западной (колониальной) идентичности. Исторически Персия активно контактировала в различных формах – торговой, военной, дипломатической со странами Запада – прежде всего Великобританией, Россией, Германией. В дальнейшем предметом иранских контактов стали США, вплоть до исламской революции 1979 г., когда Штаты становятся одним из главных врагов, и одновременно в Америке формируется иранская диаспора. Так в эпоху правления шаха династии Пехлеви основные мусульманские элементы идентичности были отодвинуты на второй план (Филин, Ходунов, 2019) и были заменены великоперсидскими в идеологии и западными, глобалистскими в быту. Это вызвало процессы, названные иранским философом Ахмадом Фардидом «гарбзадеги» – поражение Западом, что представляет, по его мнению, утрату иранской составляющей идентичности, в результате заимствования чуждой иранской культуре западной модели. Человека, пораженного Западом, автор эссе об этом феномене Джелал Але-Ахмад обвинял в комплексе негативных характеристик: циничности по отношению к религии, безразличии ко всему, отсутствии убеждений, сибаритстве, а самое главное, в отсутствии идентичности. «У пораженного Западом нет индивидуальности. Он нечто без свойств. Ни сам он, ни его дом, ни его слова ничем не пахнут. Скорее он – представитель всего и всех. Он не космополит или гражданин мира. Ни в коем случае. Он ниоткуда... Он смесь личности без индивидуальности и без особенностей» (Але-Ахмад, 2024). Собственно, эта тенденция привела в конце семидесятых годов прошлого века к революционному перевороту, в основе которого стали традиционные религиозные ценности, вписанные в матрицу культурной иранской идентичности. Именно тогда иранцев стали воспринимать как нацию даже внутренние западники. Один из генералов шахской армии на последнем заседании совместного штаба сказал: «Ничего нельзя поделать. Они готовы умирать многотысячными толпами [...] Сегодня перед нами стоит нация. Сошла ли она с ума, или с ней случилось что-либо еще, но это нация» (Echghi, 1992).

Таким образом амбивалентность иранской идентичности не только наиболее ярко проявляется в критических ситуациях, но и становится основой для поисков входа из кризиса.

ВЫВОДЫ

Таким образом, научный аналитический дискурс, связанный с иранской идентичностью достаточно пестр и мозаичен, и тем не менее в нем можно выделить некие общие тенденции, что мы и попытались сделать. Мы видим, что все они так или иначе связаны со сложностью, амбивалентностью иранской идентичности как некоего комплекса, оказывающей непосредственное влияние на мировоззренческую платформу и политические устремления современного Ирана.

Одним из наиболее значимых так и остается вопрос о естественном или проектно-конструктивистском характере национальной и культурной идентичности, дискуссия по этому поводу не завершена. Так М.В. Кирчанов в серии типических представлений, связанных в том числе с иранским менталитетом упоминает, что одним из таких наиболее общепринятых взглядов на иранскую идентичность является ее характеристика как «воображаемого конструкта, созданный националистическими ориентированными иранскими интеллектуалами; на протяжении анализируемого периода одновременно сосуществовали различные версии иранской идентичности и национализма, основанные на примате вестернизированного сообщества как сообщества граждан или на примате этничности, в большей степени связанной с шиитским исламом» (Кирчанов, 2015). Однако с нашей точки зрения, на основе анализа вышеупомянутого нами дискурса иранская культурная идентичность является скорее скрыто, постепенно формирующимся естественно-историческим феноменом с учетом влияния как иранской, так и шиитской составляющей. Нельзя, конечно, не учитывать и западный фактор, периодически оказывающий влияние на разные культурные слои населения, в том числе и на современную протестную молодежь. Амбивалентность, противоречивость, многослойность иранской идентичности с одной стороны является следствием исторических особенностей страны, а с другой формирует ее новые исторические горизонты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Але-Ахмад, Д. (2024). *Гарбзадеги*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Алиев, С.М. (2004). *История Ирана. XX век*. Москва: Крафт+, 648 с.
- Багаев, Ю.Э. (2024). Персидская литература и возрождение иранской идентичности. *Человек. Социум. Общество*, (11), 63-67.
- Бенвенист, Э. (1995). *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс-Универс.
- Бойс, М. (1987). *Зороастрийцы. Верования и обычаи* (пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского). Москва: Наука.
- Дмитриев, В.А. (2020). «Арий, поклоняющийся Ормазду»: к политической биографии Шаханшаха Нарсе. *Вестник древней истории*, 80(2), 434-461.
- Дорошенко, Е.А. (1985). *Шиитское духовенство в современном Иране*. Москва: Наука, 228 с.

- Жигалина, О.И. (1996). *Этносоциальная эволюция иранского общества*. Москва: Восточная литература, 264 с.
- Звягельская, И.Д. (ред.) (2024). *Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография*. Москва: Аспект-Пресс, 316 с.
- Каменева, М.С. (2024). Исламский фактор в культурной политике Ирана (1979-2023 гг.). *Исламоведение*, 15, 3(61), 20-30.
- Кирчанов, М.В. (2015). Арийские предки, демократические традиции и ислам: проблемы написания «синтетической» национальной истории в Исламской Республике Иран. *Панорама*, 17, 55-72.
- Кирчанов, М.В. (2020) Арийский миф как механизм модернизации и политической инструментализации иранского национализма. *Востоковедение: история и методология*, (1), 61-69. <https://doi.org/10.31696/2686-8202-2020-1-61-69>
- Кожанов, Н.А., Богачёва, А.С. (2020). Исламская республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или приемственность? *Вестник МГИМО-университета*, 13(2), 141-162. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162>
- Комлева, Н.А. (2016). Иран: геополитический портрет. *Электронное научное издание Альманах Пространство и Время*, 13(1).
- Масов, Р. (2006). *Арии: история и современность*. Душанбе.
- Матузкова, Е.П. (2014). Культурная идентичность: к определению понятия. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 2, 62-68.
- Мирский, Г. (2008). Исламский фундаментализм, сунниты и шииты. *Мировая экономика и международные отношения*, (9), 3-15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-9-3-15>
- Мутаххари, М. ([1372] 1993). *Совместное служение Ирана и Ислама*. Тегеран: Энтешарат-е Сафра, 612 с.
- Николаева, Н.А. (2015). Происхождение мифов «северного цикла» древних греков, иранцев и индийцев в свете позднеиндоевропейской и арийской прародин в Центральной Европе. *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*, (5), 82-89. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-5-82-89>
- Овчинников, А.В. (2017). Арийский миф в национализмах современного Татарстана. *Вестник Томского государственного университета*, (415), 86-101. <https://doi.org/10.17223/15617793/415/12>
- Павлов, Д. (2014). Иранская национальная идентичность: между традицией и постмодерном. *Вопросы национализма*, 1(17), 100-104.
- Романова, А.П., Якушенков, С.Н., Хлыщева, Е.В., Топчиев, М.С. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. Москва: РОССПЭН.
- Ру, Ж.-П. (2012). *История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней*. Москва: Евразия, 432 с.
- Филин, Н.А., Ходунов, АС. (2019). Некоторые особенности персидской культуры поведения в контексте историко-культурной идентичности персидского народа. *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*, (3), 131-147. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-3-131-147>

- Хомейни, А. (1993). *Исламское правление*. Алматы: Атамур, 141 с.
- Чайлд, Г. (2020). *Арийцы. Основатели европейской цивилизации*. Москва, 269 с.
- Шнирельман, В.А. (2011). «Арийская идея» и политика идентичности в эпоху постмодерна. *Вестник РГНФ*, (3), 28-39.
- Шуберт, В.Д. (2021). Всемирные зороастрийские конгрессы как средство консолидации общности в глобализирующемся мире. *XIV Конгресс антропологов и этнологов России, Томск, 6-9 июля 2021 года* (с. 287). Томск.
- Abisaab, R.J. (2004). *Converting Persia: Religion and Power in the Safavid Empire*. London: Tauris & Co Ltd, 256 p.
- Ahmadi, H. (2024). Iranian National Identity in Course of History. *Iranian Politics and Quoterly*, 2(1), 39-56.
- Davaran, F. (2010). *Continuity in Iranian identity: Resilience of a Cultural Heritage*. London: Routledge, 274 p.
- Echghi, L. (1992). *Un temps entre les temps: l'Imam, le chi'isme et l'Iran*. Les Éditions du Cerf, 174 p.
- Goudarzi, H. (2005). *Speeches on Language and Identity*. Tehran: Institute for National Studies.
- Holliday, S.J. (2011). *Defining Iran: Politics of Resistance*. Farnham; Burlington: Ashgate, 180 p.
- Hopf, T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 23(1), 174-179.
- Litvak, M. (2017). *Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic*. Taylor & Francis Group, 314 p.
- Morris, C. (2005). *The Aryan Race. Its Origins and Its Achievements*. Cosimo, Inc, 360 p.
- Ram, H. (2000). The Immemorial Iranian Nation? School Textbooks and Historical Memory in Post-Revolutionary Iran. *Nations and Nationalism*, 6(1). 67-90.
- Ravaï, N. (2018). L'Iran Est La Seule Religion De L'Iran. *Revue Des Deux Mondes*, 59-60.

Для цитирования: Романова, А.П. (2026). Амбивалентность иранской культурной идентичности и ее интерпретация в научном дискурсе. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 75-90. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.006>

REFERENCES

- Ale-Ahmad, D. (2024). *Garbzadegi*. Moscow: Ad Marginem Press. (in Russian)
- Aliev, S.M. (2004). *History of Iran. 20th Century*. Moscow: Kraft+, 648 p. (in Russian)
- Bagayev, Yu.E. (2011). Persian Literature and the Revival of Iranian Identity. *Iran and the Caucasus: Scientific and Theoretical Almanac* (pp. 29-34). Vladikavkaz: NOSU. (in Russian)

- Bagayev, Yu.E. (2024). Persian Literature and the Revival of Iranian Identity. *Man. Society. Society*, (11), 63-67. (in Russian)
- Benveniste, E. (1995). *Dictionary of Indo-European Social Terms*. Moscow: Progress-University. (in Russian)
- Boyce, M. (1987). *Zoroastrians. Beliefs and Customs* (translated from English by I.M. Steblin-Kamensky). Moscow: Nauka. (in Russian)
- Dmitriev, V.A. (2020). "An Aryan Worshipping Ohrmazd": Toward a Political Biography of Shahanshah Narseh. *Vestnik Drevnei Istorii*, 80(2), 434-461. (in Russian)
- Doroshenko, E.A. (1985). *The Shiite Clergy in Modern Iran*. Moscow: Nauka, 228 p. (in Russian)
- Zhigalina, O.I. (1996). *The Ethnosocial Evolution of Iranian Society*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 264 p. (in Russian)
- Zvyagelskaya, I.D. (ed.) (2024). *The Middle East: Politics and Identity. Collective Monograph*. Moscow: Aspect-Press, 316 p. (in Russian)
- Kameneva, M.S. (2024). The Islamic Factor in Iran's Cultural Policy (1979-2023). *Islamic Studies*, 15, 3(61), 20-30. (in Russian)
- Kirchanov, M.V. (2015). Aryan Ancestors, Democratic Traditions, and Islam: The Challenges of Writing a "Synthetic" National History in the Islamic Republic of Iran. *Panorama*, 17, 55-72. (in Russian)
- Kirchanov, M.V. (2020). The Aryan Myth as a Mechanism of Modernization and Political Instrumentalization of Iranian Nationalism. *Oriental Studies: History and Methodology*, (1), 61-69. <https://doi.org/10.31696/2686-8202-2020-1-61-69> (in Russian)
- Kozhanov, N.A., Bogacheva, A.S. (2020). The Islamic Republic of Iran in Search of Its Foreign Policy "I": Revolutionary Innovation or Continuity? *MGIMO Review of International Relations*, 13(2), 141-162. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162> (in Russian)
- Komleva, N.A. (2016). Iran: A Geopolitical Portrait. *Electronic Scientific Publication Almanac Space and Time*, 13(1). (in Russian)
- Masov, R. (2006). *The Aryans: History and Modernity*. Dushanbe. (in Russian)
- Matuzkova, E.P. (2014). Cultural Identity: Toward a Definition. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2, 62-68. (in Russian)
- Mirsky, G. (2008). Islamic Fundamentalism, Sunni and Shia. *World Economy and International Relations*, (9), 3-15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-9-3-15> (in Russian)
- Mutahhari, M. ([1372] 1993). *The Joint Service of Iran and Islam*. Tehran: Entesharat-e Sadra, 612 p. (in Russian)
- Nikolaeva, N.A. (2015). The Origin of Ancient Greek, Iranian and Indian Myths of the «Polar Cycle» in the Light of the Late Indo-European and Aryan Homelands in Central Europe. *Bulletin of the Moscow State Regional University (History and political science)*, (5), 82-89. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-5-82-89> (in Russian)

- Ovchinnikov, A.V. (2017). The Aryan Myth in the Nationalisms of Modern Tatarstan. *Tomsk State University Journal*, (415), 86-101. <https://doi.org/10.17223/15617793/415/12> (in Russian)
- Pavlov, D. (2014). Iranian National Identity: Between Tradition and Postmodernity. *Issues of Nationalism*, 1(17), 100-104. (in Russian)
- Romanova, A.P., Yakushenkov, S.N., Khlyshcheva, E.V., Topchiev, M.S. (2013). *The Alien and Cultural Security*. Moscow: ROSSPEN. (in Russian)
- Roux, J.-P. (2012). *History of Iran and Iranians. From Origins to the Present Day*. Moscow: Eurasia, 432 p. (in Russian)
- Filin, N.A., Khodunov, A.S. (2019). Some peculiarities of the Persian culture of behavior in the context of historical and cultural identity of the Persian people. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, (3), 131-147. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-3-131-147> (in Russian)
- Khomeini, A. (1993). *Islamic Governance*. Almaty: Atamura, 141 p. (in Russian)
- Child, G. (2020). *Aryans. Founders of European Civilization*. Moscow, 269 p. (in Russian)
- Shnirelman, V.A. (2011). The "Aryan Idea" and Identity Politics in the Postmodern Era. *Bulletin of the Russian State Humanitarian Science Foundation*, (3), 28-39. (in Russian)
- Schubert, V.D. (2021). World Zoroastrian Congresses as a Means of Consolidating Community in a Globalizing World. *XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, Tomsk, July 6-9, 2021* (p. 287). Tomsk. (in Russian)
- Abisaab, R.J. (2004). *Converting Persia: Religion and Power in the Safavid Empire*. London: Tauris & Co Ltd, 256 p.
- Ahmadi, H. (2024). Iranian National Identity in Course of History. *Iranian Politics and Quarterly*, 2(1), 39-56.
- Davaran, F. (2010). *Continuity in Iranian identity: Resilience of a Cultural Heritage*. London: Routledge, 274 p.
- Echghi, L. (1992). *Un temps entre les temps: l'Imam, le chi'isme et l'Iran*. Les Éditions du Cerf, 174 p.
- Goudarzi, H. (2005). *Speeches on Language and Identity*. Tehran: Institute for National Studies.
- Holliday, S.J. (2011). *Defining Iran: Politics of Resistance*. Farnham; Burlington: Ashgate, 180 p.
- Hopf, T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 23(1), 174-179.
- Litvak, M. (2017). *Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic*. Taylor & Francis Group, 314 p.
- Morris, C. (2005). *The Aryan Race. Its Origins and Its Achievements*. Cosimo, Inc, 360 p.
- Ram, H. (2000). The Immemorial Iranian Nation? School Textbooks and Historical Memory in Post-Revolutionary Iran. *Nations and Nationalism*, 6(1). 67-90.
- Ravai, N. (2018). L'Iran Est La Seule Religion De L'Iran. *Revue Des Deux Mondes*, 59-60.

For citation: Romanova, A.P. (2026). Ambivalence of Iranian Cultural Identity and Its Interpretation in Academic Discourse. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 75-90. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.006>

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan Tatischev State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan, Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan, Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu-edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н. Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu-edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88